

History and society

Тарих һәм жәмгыять

История и общество

DOI: 10.26907/2311-2042-2023-20-1-76-100

ANTON EICHENWALD AND THE KAZAN OFFICE OF MUSICAL FOLKLORE

Yulduz Nakievna Isanbet¹,

Kazan
mileuscha@mail.ru.

The article systematizes archival materials on the creation of the Kazan Office of Musical Folklore. The focus is on the activities of the composer A. Eichenwald as the head (manager) of this organization. The composer dreamed of turning the Office into an exemplary laboratory for mechanical sound recording. He wanted to cooperate with qualified scientists who would record musical and literary material, examine what was recorded, identify historical data, compile recording funds, process and prepare them for publication. Based on the analysis of archival materials, the article proves that A. Eichenwald held his position for six months and was forced to quit either due to external circumstances, or of his own free will.

Key words: Tatar music, A. Eichenwald, A. Klyucharev, Kazan Office of Musical Folklore

Introduction

When in September 1928 A. Eichenwald accepted an invitation to work in Malyshev's Opera, which was touring in Kazan, he came to Kazan with a fairly large concert repertoire of Tatar and Bashkir folk songs: to the seven Kazan music pieces of 1923 [1], twelve more were added, prepared by him for Parisian concerts of oriental music [2]. However, he was received coldly in Kazan. His contributions to the popularization of Tatar music were not in demand. None of A. Eichenwald's undertakings found support.

Having fallen victim to the intrigues and internecine struggle of conductors and folklorists, in early January 1929, Eichenwald signed an agreement with the directorate of the opera house and went abroad – to the city of Bezhitsa-Bryans (Czechoslovakia). Then, from September 12, 1929, he worked for some time as a conductor and ethnographer recording folk music in Samarkand. In 1930 – 1934, he stayed in Samara.

Materials and methods of research

Our analysis is based on archival materials related to the composer A. Eichenwald's work in the Kazan Office of Tatar Folklore.

The work uses traditional methods: the descriptive, comparative and classification methods of

¹ Due to the death of the author, the structure of the article was built in accordance with the requirements of the journal by its editor M. M. Khabutdinova.

research, the work with scientific sources and the method of analysis and generalization.

Discussion

Kazanians did not forget about A. Eichenwald's concerts in 1923; in addition, "The Steppes" tour shows in Kazan in 1932 updated these memories. Despite the fact that the composer's creative plans, connected with Kazan, were rarely implemented, he was still remembered from time to time as a connoisseur of folk music. Thus, on November 22, 1935, Z. Almeev, a music editor of the Radio Committee (the Committee for Radio and Broadcasting under the Council of People's Commissars of the Tatar ASSR), sent the following letter to A. Eichenwald:

"Dear Anton Aleksandrovich!

According to the information available in the Tatar Radio Committee, you are working on the Tatar folk music arrangements. I have the following request.

The Tatar Radio Committee has set the task of collecting all the arrangements of Tatar song folklore to enrich the repertoire of the Radio Committee. Therefore, on behalf of the Radio Committee, I ask if you could send a list of the literature at your disposal and inform us of the conditions under which you could put this material at our disposal.

I look forward to your prompt response" [3].

It is not known what A. Eichenwald answered and whether he was able to respond to this letter effectively. It was unlikely that he had moved his entire archive to Ashgabat, where from August 22, 1933 to December 1936 he worked as an art researcher at the Turkmen State Research Institute and was the head of the Folk Music Office, so it was hardly likely he had the necessary materials with him. But some time later, when A. Eichenwald had the opportunity to visit Kazan, he responded to the request of the Radio Committee.

In the mid-1930s, due to favorable circumstances, business contacts between A. Eichenwald and Kazan were resumed. At the beginning of 1936, in the USSR, the management of arts affairs was removed from the jurisdiction of the People's Commissariat of Education having been transferred to the jurisdiction of the new All-Union Committee for Arts under the Council of People's Commissars of the USSR and its departments in the republics. On March 31, 1936, Gumer (Omar) Kamalovich Almukhametov (Almi), an energetic man, capable of pursuing his line, was appointed head of the Department of Arts under the Council of People's Commissars of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic. He made an attempt to

reconsider some decisions, which were traditional for Kazan (for example, on the work of the Tatar State Opera Studio in Moscow). Apparently, contrary to the opinion of individual musical figures (or in spite of their opinion), he, as early as on May 11, 1936, invited A. Eichenwald to work in Kazan, at first not very clearly imagining what exactly the composer and conductor could do here. He gave A. Eichenwald certain freedom to choose.

"Dear Anton Aleksandrovich! - wrote G. Almi. - I have information that you have worked a lot on Tatar music. Besides, I have heard good things about you.

You probably know that we have started building an opera theater in Kazan and are creating the Tatar national opera. In Moscow, we have an opera studio at the Moscow State Conservatory. Now we face the challenging task of creating an opera.

Obviously, you need to have appropriately qualified personnel to achieve this goal. I personally hope that you will not refuse to take part in the resolution of this tremendously important task.

If it were desirable for you to participate in the creation of the Tatar national opera, I would ask your opinion on the form, in which this participation could be carried out. We would greatly appreciate if you agreed to work on a regular basis in Kazan. You know that we have a Music College. Of course, you would be one of the principle and most valued teachers in this College.

In a word, I think the wide range area of work in Kazan could fully satisfy you. In any case, the creation of the Department for Arts under the Council of People's Commissars will enable us to properly arrange our work in the musical field.

Could you please promptly respond communicating your opinion on the issues raised in this letter. I hope that subject to your agreement to come to Kazan in principle, you will not refuse to tell us your conditions" [4].

Such an invitation opened up ample opportunities for A. Eichenwald's creative work. Indeed, he could write new operas and other works based on Tatar folk themes, or teach at a musical college, what G. Almi suggested. But A. Eichenwald had his own proposals and plans. Shortly before getting the invitation to come to Kazan, on March 5, 1937, A. Eichenwald became head of the Musical and Scientific Office at the Department of Arts of the Turkmen SSR quitting his job as a member of the scientific staff of the Turkmen State Research Institute. So, he wanted to create something similar in Kazan, especially since folklore offices were organized at the Arts Departments of different regions according to the state plan; thus, Kazan could already face such a task.

In late August - early September, he arrived in Kazan for negotiations. He was warmly greeted. In the *Krasnaya Tatariya* newspaper (September 10), the in-depth article "The Opera 'The Steppe'" by N. K. (N. Kozlova) was published, characterizing the specific features of the opera and some milestones of its history. This again drew keen public attention to the name of A. Eichenwald:

"Recently, the opera "The Steppe" by Composer Anton Eichenwald has been performed at the Kazan Musical College. This opera, created on the basis of Tatar and Bashkir folk melodies, is the result of the composer's many years of work, devoted to collecting musical and song folklore. A. Eichenwald began this work in Kazan about 40 years ago. Searching for songs and legends, he traveled across almost the entire Kazan and the neighboring Ufa provinces...

The composer harmonized and orchestrated these folk melodies. In the form of opera, they sound with exceptional freshness preserving their national originality" [5].

In the meantime, at its meeting on September 2, 1936, the Folklore Commission of the Tatar Radio Committee came to the decision to obtain (buy) from Eichenwald "the artistically arranged Tatar folk songs included in his Tatar opera 'The Steppe'" in order to use them in their daily repertoire. Later, the Kazan Musical College also got the following musical pieces:

1. Shafkat's aria ("Oh, Kerim ...") based on the song "Sibelə chəchək";
2. Fatima's song ("Bibkay-kyz");
3. Shafkat's lullaby based on the song "Minem babay";
4. Biktemir's song based on the song "Tugan il";
5. Shafkat's aria "Oh, Amirkhan" based on the song "halavarda yoldyz";
6. Karim's song "The Bee Is Singing..." based on the song "Kush beləzek";
7. Kerim's song "My Grandfather Is a Singer and Leader ..." based on the song "A Squadron".

"Composer Eichenwald wrote them down very accurately and, arranging them according to artistic musical standards, he did not change a single note, correctly solving the task of raising Tatar music to a higher cultural level by finding the right way to harmonize it," says the certificate signed by M. Muzafarov and V. Vinogradov, the head of the musical radio sector [6].

From the certificate, issued on April 15, 1937, it is clear that on September 5, 1936, the Folklore Commission, a few days after listening to the excerpts from the opera "The Steppe", familiarized

themselves with Eichenwald's arrangements of Turkmen melodies (the Turkmen suite) "The March 'The First of May'", "The Turkmen March", "A White Donkey", "A Love Song", "A Caravan", "A Lullaby", "Morning", "A Girl" and "The Horse Run" and, as specified in the document, "acquired them for the radio broadcast and performance in open concerts to acquaint the broad masses of working people with the musical culture of the Turkmen people" [7].

One of the performances of "The Turkmen Suite" on the republican radio took place on March 11, 1937 at 22.00-22.30. It was conducted by the author (see radio schedule for March 1937 [8]).

"Although the artistic arrangement of Turkmen folk music, made by Composer Eichenwald, abounds in complex contrapuntal and orchestral combinations as well as the use of high European technology, it has been carried out with such great skill that it retains all its specifics and gives a complete picture of the Turkmen people's exceptional creativity," reads the Radio Committee's statement [9].

In those years, radio broadcasts were "live", the participants of both informational and arts & entertainment broadcasts performed directly in front of the microphone. In addition, there was such a form of artistic broadcasting as transmission of public concerts, organized by the Radio Committee itself. For the small staff of the Tatar Radio, the issue of constantly updating the repertoire was quite challenging. Once a piece of music was mastered, especially an orchestral one, it was repeatedly performed in radio concerts. Therefore, judging by one of the well-known performances of "The Turkmen Suite" on the republican radio (conductor : A. Eichenwald), which was included in the evening half-hour program on March 11, 1937 (22.00–22.30), we can assume that this performance of the work was not an exclusive one [10, p.11].

At the same time or a little later, some other works of the composer were obtained. For example, analyzing the Tatar folk song "Alma", arranged by A. Eichenwald for singing with piano, M. Nigmedzyanov indicates that its manuscript is kept in the fund of the Tatar Radio [11, pp. 26–28]. Since the radio manuscript fund was formed from the works performed on the radio, the very presence of the manuscript in the fund directly confirms the fact of its having been purchased (the performance of published works was not payable).

On September 5, 1936, the Department for Arts held an audition of the opera "The Steppe" at the Tatar College of Arts. The meeting was held

with the aim to listen to and discuss A. Eichenwald's opera at the College of Arts. It was to remind the public about the composer's work and to find out how Kazan authoritative musical figures would react to the possible appointment of A. Eichenwald to the position, with which those present associated their hopes for awakening professional musicians' interest in Tatar folk music. Therefore, during the discussion of "The Steppe", the issue of Tatar professional music further development was raised [12]. In addition to I. Aukhadeev, the principle of the technical school, and music teachers A. Bormusov, E. Kovelkova, M. Pyatnitskaya, and R. Polyakov, there were composers V. Vinogradov and J. Faizi, G. Almukhammetov, the Chairman of the Department, K. Shafigullin, the head of the radio committee, and F. Yarullin, a composer-student.

Vinogradov V. "Despite the piano performance, one can form a certain opinion about the opera - the music is complex, masterful and artistic. Let's dwell on the main stages: 1) the national spirit is preserved, especially in the most artistic parts of the opera: a lullaby by Shevkhat, a march. In the most important, significant places, the Tatar flavor has been preserved. The author is bound by the Tatar folk song, but knowing how to use it, he shows it to advantage. <...> The legend is very poetic. In this work, we do not find any formalism due to the connection of the libretto with the music. The entire opera is based on Tatar folklore. In opera, it is important to emphasize the musical portrait of the character. As our listening to the opera was not comprehensive, it was not possible to grasp the vivid musical characteristics of the main characters.

The emblem of the opera is a white horse, the freedom of the steppe - it seems that this emblem should have been shown in the opera.

The music is equivalent from beginning to end, I would like to emphasize the images of Shevkhet and Kerim. In any case, this work enriches Tatar music."

Fayzi J. The opera is based on the classical model. It is convenient to perform. "But in all respects, this opera cannot be considered a Tatar one, because the main melodies are [12, page 3] Bashkir, for example, "A Squadron" - I consider this to be a shortcoming of the opera."

Almi G. There are more pros than cons, and they can be easily eliminated. "The use of Bashkir melodies is not a minus, but a plus, because the Tatars do not consider Bashkir melodies to be alien. It is not the origin of the melodies that is important, but how they are perceived by the people". It is a contribution to the golden fund of Tatar music.

Aukhadeev I. I can compare it with other Tatar operas. "Eshche" was meant for an unprepared listener.

It is extremely important and interesting that Kerim's recitative is performed against the background of the Bashkir melody "A Squadron".

Yarullin F. "No one has spoken about the harmonic development of the orchestra in the opera. Why couldn't the first theme be developed? There is certain raggedness in the overture and several themes, that are not connected with one another, do not receive the proper development. When conveying the main characters' personal experiences, a departure can be noticed from the Tatar ideology and Tatar folk themes. There is no liveliness and vivacity in the march, nothing heroic, uplifting <...> [12, p. 6].

Despite all the positive reviews, the staging of "The Steppe" opera in Kazan in the next 1936-1937 was impossible for objective reasons. There was no opera troupe or an opera theater in Kazan, and the opinion of the speakers could not make the opera studio in Moscow include the opera in their education and production plans. Most likely, the listening and the discussion were meant to demonstrate a friendly attitude towards its author opening up some other prospects for his work in Kazan. The truth is, as N. K. writes in the article "The Steppe' Opera" (The Red Tataria, 1936. September 10) that it was recognized it was desirable to publish the score of "The Steppe", which was also a very difficult task to perform [5].

Everything that could be done in Kazan to popularize A. Eichenwald's opera in those years was done in the spring of 1937, when an open concert performance of the opera, prepared by the Radio Committee, took place. It was conducted by J. Starzhiganov (Sadrizhiganov). The performance was given on May 31 at the Teacher's House, Yu. V. Vinogradov made an introductory speech [13]. Perhaps there were two concerts - in V. Ternovsky's review "The Concert Performance of the Opera 'The Steppe'" (Krasnaya Tatariya, 1937. June 14), the Theater of the Young Spectator was named as the venue for the concert [14].

When listening to the opera "The Steppe" at the Kazan College of Arts, in addition to discussing the opera as a work of art, its advantages and disadvantages, the participants of the event raised the issue of determining the ways of the Tatar professional music development. Alienation from national origins and poor knowledge of folk music or its neglect were identified as the main shortcomings in the works of young composers.

Shafigullin K. The best examples of Tatar folk songs should be used in Tatar music. Young Tatar composers do not have a correct idea of Tatar music and do

not find sufficient material in it to develop national melodies.

Aukhadeev I. “Two or three Tatar folk songs are used in Zhiganov’s opera. They are inserted into the opera, but they are not symphonically developed. Here, the entire opera is composed of Tatar folklore [12].

A. Eichenwald took the problem of the Tatar youth composers’ preparation seriously and showed a genuine willingness to help them comprehend the national specifics of the Tatar folk musical art.

“Now people are more interested in folklore. I think that my visit has stirred up a love for folklore possibly giving impetus to young composers. I would be happy to guide young Tatar composers and instill in them a love for folk art, which is of great interest and has not yet been studied, but I am sure that in the future Tatar composers will turn to folklore and create great Tatar musical compositions. Tatar music is so interesting that it deserves a lot of attention,” he said in his closing speech [12].

But, like his opera, A. Eichenwald’s practical creative assistance to young composers remained unclaimed.

However, the conversation at the College of Arts bore fruit. The desire to bring creative youth closer to national origins brought up the issue regarding the fate of folk music proper. Emphasizing that A. Eichenwald “has been working in the sphere of Tatar musical art for a long time”, R. Polyakov urged “to make every effort to create conditions for organizing a scientific association with the aim of studying folk material”. K. Shafigullin expressed his wish that Eichenwald “should return to Kazan to create an Institute for collecting Tatar folk materials and raise Tatar music to a higher level” [12].

Composer Eichenwald, who had come to Kazan to hold negotiations, either proposed to organize a Kazan folklore office similar to the Turkmen one, or the organization of such offices in the national republics was being carried out in a centralized way, but by this time, the issue of the need to open the Office had already been agreed with the Department for Arts. Perhaps, G. Almi arranged this meeting on creative issues in order to confirm the correctness of his decision and to secure the consent of the Kazan leading teachers of music.

G. Almi announced that “the Department for Arts decided to organize a scientific office with the aim to study Tatar folklore, and the organization of this office will enable young composers to widely use Tatar folk melodies” [12].

On September 8, 1936, A. Eichenwald and G. Almi concluded the following agreement:

“We, the undersigned Department for Arts under the Council of People’s Commissars of the ATSSR in the person of its head Omar Kamalovich ALMUKHAMETOV and Composer-Ethnographer Anton Aleksandrovich EICHENWALD, have concluded this agreement as follows:

1. EICHENWALD shall assume the responsibility of the Head of the Kazan Office of Musical Folklore at the Department for Arts for a period from January 1, 1937 to January 1, 1940. The working conditions are determined by the regulation on the Office, approved by the Council of People’s Commissars of the ATSSR.

2. The Department for Arts shall pay EICHENWALD, as the Head of the Cabinet, one thousand five hundred rubles a month.

3. The Department for Arts shall provide EICHENWALD with an apartment of at least two rooms with all amenities and *furnishings*, conveniences, lighting, heating, water, etc. at the expense of the Department.

4. The management shall pay EICHENWALD an installation allowance according to the Labor Code and travel expenses for a first-class carriage and *luggage delivery* from Ashgabat to Kazan.

5. The Department shall grant EICHENWALD an annual two-month leave.

6. All recordings and transcripts of folklore material made by EICHENWALD in the Office shall be the property of the Office.

7. Other conditions are specified under a special agreement” [15] (handwritten notes are given in italics. – Yu. I.)

On November 27, 1936, A. Eichenwald wrote a letter of resignation and on December 8, 1936, he was dismissed from his post in Ashgabat. Whether he started work in Kazan on January 1, 1937, or arrived there a little later, is unknown, but the available documents allow us to conclude that this, perhaps, happened closer to spring [16].

In the newspapers, the first report about the Office of Musical Folklore was published on March 30, 1937. “The Red Tataria” writes:

“At the Department for Arts, a Music and Folklore Office is being created, its head will be Composer Anton Eichenwald who has been invited to work in Kazan and who is known to us as the author of the Tatar folk opera “The Steppe” and many other symphonic and vocal works based on folk musical material. Anton Eichenwald has been working in the field of musical ethnography for over thirty years and he is considered to be an expert in oriental folk music.

As Composer Eichenwald told us, the organized Office will be a research, ethnographic and creative center for the musical folklore of Tataria. Ethnographers, musicians-composers working on Tatar music, as well as scientists - folklorists, historians, linguists, etc. will be

involved in the activities of the Office. They will record musical and literary material, examine what has been recorded, identify historical data, compile a fund of records and process materials for publication. Collections of songs, literary works and musical pieces of various forms will be published.

To record songs and music, it is planned to create a special laboratory equipped with sound recording devices. Archives of folk music and literary works will be compiled using mechanical recordings" [17].

Eichenwald also published the article "Collecting Folk Musical Works", dedicated to the tasks set by the Office of Musical Folklore. He wrote:

"Valuable monuments of the musical creative work, belonging to the Tatar people and other peoples inhabiting Tataria, have not been fully identified and recorded so far. They have been preserved either by the oldest connoisseurs of songs and music, or (in a small number) by representatives of the musical youth.

Merciless time takes its toll and the oldest connoisseurs of songs and music go. Together with them, the stock of their knowledge disappears; while young people, having orally gained this knowledge from the elderly, no longer accurately reproduce and transmit what they have learned by heart due to the passage of time and their memorization "by ear".

There is no serious and systematic work on collecting musical folklore in Tataria, only an insignificant part of the folklore has been recorded by different people. The records have not been put together, they are in the briefcases of these collectors.

The identification, collection, recording and preservation of the people's folk musical works is therefore a very relevant matter. That is why, the organization of a special music-folklore and research office at the Kazan Department for Arts must be recognized as a great cultural and political event.

It is necessary to realize the full importance, urgency and significance of the future Office work and create such conditions that would not be of accidental and temporary nature, but would be systematic, scientific and consistent.

I believe that the Office should have an exemplary laboratory for mechanical sound recording, which would use the latest achievements of our Russian inventors, at the same time, relying on the experience of European scholars.

It is also necessary to invite qualified scholars to work in the Office.

We should render all possible assistance to those who will collect folk musical works of the peoples inhabiting Tatarstan, since I know from my many years of experience how many wonderful musical and literary treasures have not yet been found - these gems of folk fantasy" [18].

Under its last name, the Office of Music and Folklore entered the history of Tatar music as the Office of Musical Folklore (or the Kazan Office of Musical Folklore), although it is inappropriate to call an "office" what is an independent research institution. However, when it was organized, the Office was in fact an office under the Department for Arts of the Tatar ASSR.

There are two versions for the name of the Office in the archival documents, which have survived, unfortunately, not in full, in the Department for Arts, in the Tatar State Philharmonic Society and in A. Eichenwald's possession, as well as in newspaper publications of 1937:

1. Until the end of August 1937 (the period of its direct entry into the structure of the Department for Arts), the name "Music Folklore Office" ("Музыкальный фольклорный кабинет") was used [15], [17], [19]. The fact that before the formation of the Tatar Philharmonic Society one of its current departments existed as a "Music Folklore Office at the Department for Arts" is also confirmed by the Philharmonic Society (see: [p. 45]). Before the end of August 1937, the Office was also referred to in this way in business papers written by A. Eichenwald and A. Klyucharev.

The definition of "musical folklore" was either an initially unified name generally accepted in the country, or A. Eichenwald might have proposed it to the Department by analogy with the Ashgabat model of the name of his previous place of work.

From the end of August 1937 (after becoming a part of the Philharmonic Society), the Office for some time became the "Music Folklore Department of the Tatar State Philharmonic Society". However, by inertia, the newspapers continued to use the name "the Office", not "the Department" ("The Music Folklore Department").

2. In September - October, in receipts, applications and acts, signed by A. Eichenwald and A. Klyucharev, a new inverted version of the name, which was more convenient and easier to pronounce appeared: "The Office of Musical Folklore". A. Eichenwald's resignation letter also used the name "The Office of Musical Folklore" [20], and G. Yaushev's order about his dismissal even has it as "The Kazan Office of Musical Folklore" [21]. Either with the definition of "Kazan" or without it, it was already established as the main official name of the institution in post-Philharmonic times. It is likely that the name "The Office of Musical Folklore", which was in use in Kazan since September 1937, a unified nomination

of all organizations of this kind, was an all-Union innovation.

There is also discrepancy in the title of A. Eichenwald's position: the head – the principle. In official documents, A. Eichenwald is called “the principle” (direktor) [15], [17], [21], [23], and in some others [24], [25] – “the head” (zaveduyushchii). The name “the head” instead of the former “the principle” (used in schools, technical colleges, etc.) was introduced in 1934. Perhaps, A. Eichenwald could be called “the principle” out of habit or negligence, as those addressing him were unable to immediately adapt to the new title. But in relation to the composer, the title “the principle” would be more appropriate and correct. He was precisely “the principle” of one of the divisions, first of the Department of Arts, then of the Philharmonic Society on whose balance sheet was the Office that was not an independent legal entity. The chief of the Department for Arts was rightly called not “the head” but “the manager” (nachal'nik). The Philharmonic Society had two identical positions of “the heads”: the Philharmonic Society and one of its departments. This did not correspond to the official nomenclature.

However, this time, A. Eichenwald's plans were not destined to come true either. On October 8, 1937, he filed an application with a request for dismissal addressed to G. Yaushev, the new head of the Department for Arts. He replaced G. Almi who had been arrested by this time. The motivation for the request was purely professional:

“The Office of Musical Folklore has not yet been provided with premises, it does not have either the necessary equipment for mechanical sound recording, or a musical instrument. I, personally, have not been given an apartment to live in yet.

As a result, the Office cannot perform its work successfully, and since no improvement in this situation is foreseen in the future, I am forced to ask you to release me from the concluded contract and make financial settlements on my salary, rent and a compensation for my unused leave provided for under the contracts no later than the 10th of this month” [20].

On the same day, G. Yaushev approved the resignation: Dismiss from the 10th of October and make financial settlements; appoint Comrade Klyucharev as acting head of the Office. Yaushev 8/X-37. [20]

On October 11, 1937, retroactively, Order No. 105 of the Department for Arts under the Council of People's Commissars of the TASSR was issued:

“From October 10, Composer EIKHENWALD Anton Alexandrovich, the head of the Kazan Office of Musical Folklore, is to be relieved of his post according to the resignation letter he has submitted” [21].

Strictly speaking, G. Yaushev had no right to issue an order to dismiss A. Eichenwald. For some reason, either being unaware of the organizational work intricacies, or perhaps consciously, he violated the law. At that time, the Office of Musical Folklore was already accountable to the Tatar State Philharmonic Society, organized by the Decree No. 1383 of the Council of People's Commissars of the Tatar ASSR of August 21, 1937. Together with the balance of funds for the current year, the Office was transferred to the Philharmonic Society as one of its five departments (1. A Touring Bureau; 2. A Choir; 3. A State Symphony Orchestra; 4. A Music and Folklore Department; 5. A Concert Department).

Even before this transfer, the Office of Musical Folklore was in a critical situation. Gumer Almukhametov, who had invited Eichenwald to Kazan, was considered to be a “Trotsky-fascist nationalist” [22], and certain Kazan cultural figures found personally Eichenwald annoying. Among the latter was the writer S. Zaini, who contributed his newspaper publications under the pseudonym “Z. Shagimuratov”.

In the article “All Is Quiet in the Department for Arts”, S. Zaini criticized G. Yaushev for disorganizing work in various areas of theatrical and musical art, accusing him of closing the musical comedy theater, of delays in the construction of the opera house and of favoring Kh. Tukhvatullina, the director of the opera studio, who was wasting state money in vain, of the connivance in his attitude to F. Witt from the Department for Arts, who had been expelled from Leningrad after S. Kirov's assassination, and at that time was unable to organize the work of the state philharmonic choir, of cluttering up the staff of the Department for Arts with thoroughly rotten elements, etc.

“Out of the 100 thousand rubles, allocated by the state for the organization of the folklore office, 31 thousand have been spent. But there are no obvious results yet. The head of the office, “Professor” Eichenwald, receiving 1,500 rubles a month, is being lazy in his summer cottage in the country. This “professor” is known to the working people of Kazan for his harmful opera ‘The Steppe’” [23].

Only the head of the Philharmonic Department could dismiss A. Eichenwald, who, at the moment, no longer held the position of the head of the Music and Folklore Office and that is exactly what he

did duplicating G. Yaushev. "In 1937, by Order No. 27, issued by the head of the Philharmonic Society, he <Eichenwald> was removed from the post of the head of the Folklore Office, and the "musical property" was transferred to A. Klyucharev and G. (S. - Yu. Isanbet.) Tagirov. A. Eikhenwald's work, submitted to the press, the work of "an exposed enemy of the people", was ordered to be withdrawn from Tatknigoizdat (more precisely: Tatgosizdat. - Yu. I.). Unfortunately, no traces of this work could be found...", writes M. Nigmedzyanov describing this incident [24, p. 17].

The author does not specify the date of the order, issued by the head of the Philharmonic Society, which makes it difficult to understand in what order Eichenwald was dismissed from the Philharmonic Society and the Department for Arts. The real picture of what happened is unclear.

The "Explanatory Note to the Annual Report of the Tatar State Philharmonic Society of 1937" states that before the formation of the Philharmonic Society, the Music and Folklore Department existed as "The Office of Musical Folklore" at the Department for Arts with appropriations of 100 thousand rubles, an amount quite sufficient to carry out the assigned tasks. The Department was completely devastated. A commission was set up to examine the work of the Department, it revealed complete inactivity and wrong ideology on the part of its management. The Office had been headed by ethnographer Eichenwald who was dismissed from his post and subsequently exposed as an enemy of the people" [25]. In the "List of various persons (creditors) of the Tatgospilharmonia as of 1/1, 1938", there is an explanation next to the figure of 1995: 70 rubles not paid to Eikhenwald: "is under arrest" [26], and in the same list of "accountable persons", there are another 660.30 rubles, not received by Eikhenwald, which had been transferred by the Department for Arts [27].

All the documents of the Department for Arts and the Philharmonic Society, which appeared after Eichenwald's letter of resignation on October 8, give reason to assume that before or immediately after the harsh criticism at the Philharmonic Society meeting (if it took place before, and not after October 8-11), on October 9, A. Eichenwald urgently handed over the materials he had on file to A. Klyucharev and S. Tagirov. Being threatened with impending arrest, he did not waste time and prudently left Kazan without waiting for the lost salary and other philharmonic "later".

We should note that A. Eichenwald asked G. Yaushev to dismiss him not in principle, but before

the specific date of October 10, apparently planning his departure from the city for this day. Due to a delay with the order, A. Eichenwald remained in Kazan at least until October 11 (the surviving receipt of A. Klyucharev, given by him to A. Eichenwald [28], is dated this day. The history of the Folk Music Office, especially in its initial period, has not actually been explored. So far, from the specific activities of the Office, one can only point to the preparation (acquisition?) of A. Klyucharev's collection of musical pieces "100 Bashkir Folk Songs".

On August 28, 1937, A. Klyucharev applied to the Department for Arts with the following application:

According to negotiations with Comrade Eichenwald, the head of the Folklore Office, and comrade Yaushev (the head of the Department for Arts), I present my work "100 Bashkir Folk Songs" - which is a transcript of phonographic recordings made by me in Bashkiria over the period from 1934 to 1936.

Please make a settlement with me at the rate of 20 rubles for each song" [29].

The application contains Eichenwald's post-script dated August 28:

"The indicated 100 recordings, made by Comrade Klyucharev. are of great scientific and ethnographic interest and will be a valuable contribution to the recording fund of the Musical Folklore Office" [Ibid.].

This Klyucharev's collection was not published either in Kazan or in Ufa. But these recordings could be used for his numerous works based on the Bashkir musical material, perhaps some of the songs, recorded in Bashkiria but from Tatar informants, were included in the collection of music pieces "Tatar halyk koiläre" (Kazan, 1941) [30].

Let's make an attempt to collect scattered information about the first practical steps taken by the Office. We should not forget that not only in 1937, but throughout the history of its existence, the office had neither its own premises, nor even its own room. Its primitive equipment was stored in the corners of various institutions. The Office had no staff - in the best of times, in addition to a secretary-typist (or a part-time accountant) and the head, sometimes two more full-time positions of researchers (a composer and a writer) were allocated for their needs. In addition, part of the scientific and creative work, if necessary, was carried out under one-time contracts. A. Klyucharev was the only one who went on folklore expeditions; in rare

cases, he was accompanied by poet A. Sadretdinov. The Office was not capable of performing even a small part of the work it had originally intended to undertake.

In the currently available documents, covering the early history of the Office, in addition to its head (principle) Eichenwald, there are mentions only of the researchers A. Klyucharev and S. Tagirov among its full-time employees. Of the 100 thousand rubles, allocated to organize the Office, the Department for Arts had spent only 35800.39 rubles before the Office joined the Philharmonic Society (the period of about 6 months), [31]. What could be done with 6,000 rubles a month on average? The Office could not even buy a piano.

Part of this amount was spent on the purchase of the most elementary equipment for recording songs, which, according to the inventory acceptance certificate upon the dismissal of A. Eichenwald, included:

1. An old phonograph, unusable.
2. Membranes for this phonograph - 2.
3. Membranes "Recorder" - 2.
4. Membranes "Reproducer" - 3.
5. Sapphires for cleaning rollers - 2.
6. Rollers for a phonograph - 25 (used ones).
7. A typewriter "Yanalif" (Record) [32].

No folklore expeditions had been made by that time, but single recordings of folk songs are known to have been made by A. Eichenwald. The funds of the SCTF contain manuscripts of songs called "Shundy dzhuzha" ("The Sun Is Rising"), recorded by the ethnographer from Malika Nizamutdinova on April 1, 1937, in Kazan and "Okop<kœ>", recorded by him from Batalov from Arsk. A. Klyucharev did a lot of recording during this period. In any case, there were no unused rollers left in the office.

The preparation work was undertaken on musical folklore collections of recordings made by A. Eikhenvald and A. Klyucharev. By the 20th anniversary of October (November 7, 1937), a collection of Tatar musical folklore had been urgently prepared and submitted for publication, as reported by the newspaper "Kyzyl Tatarstan" on September 16, 1937:

"The employees of the Office of Musical Folklore have recorded over 100 different pieces of music in cities and villages.

By the 20th anniversary of the October Revolution, a special collection of Tatar musical folklore is planned to be released" [33].

This undertaking was also reported by the Krasnaya Tatariya:

"The Folklore Office keeps records of Tatar folk melodies. A collection of 50 songs has been prepared. All songs are recorded on a phonograph" [34].

The existence of a handwritten collection of musical pieces, which the Office handed over to Tatgosizdat, is also evidenced by A. Klyucharev's receipt dated October 11, 1937. It confirms that A. Eichenwald gave him a receipt from the editor of the Publishing House certifying that he (the editor) received 26 records of Tatar folk songs from the Folklore Office (unfortunately, the authorship is not specified) [28].

There exists a list of 18 songs that were not included in the collection by the Arts Administration:

1. Abau, gølkœem.
2. Akup (Okop kœe).
3. Almagachlary.
4. Alsou.
5. Əide, dustym, teatrğa.
6. Bishek журу.
7. Dim bue.
8. Жыр.
9. Жырлык œle.
10. Zøbærzhæt
11. Kælœy Gaishæ.
12. Ozatu.
13. Recruitlar журу.
14. Saǰidæ.
15. Таң.
16. Tugan il.
17. Əngæг-мөггер.
18. Yalkau hæm udarnitsa². [35]

By studying the delivery and acceptance certificate of the Office, we can get a certain idea of the six-month's (approximately) work of the Office and its initial direction of activities under the conditions of its organizational stage.

Certificate

On October 9, 1937, we, the undersigned Head of the Office of Musical Folklore Eichenwald and Composer Klyucharev, drew up this certificate stating that the former has delivered, and the latter has accepted the affairs of the Office:

² In various lists of the Office, the names of Tatar folk songs are arranged in random order. Several names are given in Russian, the rest are in approximate Tatar transcription. Here and below, the names of the songs are given in the Tatar language and are arranged in the lists in the order of the Tatar alphabet. — *Yu. Isanbet*.

1) Eichenwald's musical notes of 59 recorded texts (see the appendix to the certificate)

2) Klyucharev's musical notes of 38 recorded texts (see the appendix to the certificate)

3) Musical notes rejected by the Department for Arts and not included in the collection, 18 entries (see the appendix).

Texts:

Folder No. 1, recorded on the Office rollers, 96 pieces.

No. 2, recorded on the rollers of the Academy <Academic Center>, 89 pieces.

No. 3. Miscellaneous texts delivered by A. Eichenwald, 97 pieces.

No. 4. diff. texts collected by Eichenwald from various persons, 98 pieces.

No. 5. Inventory of phonograms.

No. 6. Duplicate texts.

No. 7. Duplicates of the texts recorded on the rollers of the Office.

No. 8. Duplicate texts of different persons.

No. 9. Lyrics that were not sung.

No. 10. List of texts.

No. 11. List and names of persons who reported texts and songs.

12. Alphabet of texts.

13. Draft texts.

14. Reviews.

15. Library.

Appendix

to the certificate of 9 Oct., 1937

Comrade Klyucharev's Notes

1. Avyl көе.

2. Avyl көенә. I.

3. Avyl көенә. II.

4. Aylar gynaem.

5. Al Zəynəbem.

6. Appakay-almakay.

7. Əidə, dustym, teatrğa.

8. Balalar ueny.

9. Batyr kolkhozchy.

10. Bishek журы.

11. Bөрә бue (Bөрә көе).

12. Жыр (Жырым).

13. Жырлык әле.

14. Zөлkhəbirə.

15. Kahləy Gaishə.

16. Kitam inde.

17. Kolkhozchylar журы.

18. Kulik koe.

19. Leningrad-Moskva (Orenburg-Kargaly).

20. Mərfuga.

21. Ozatu.

22. Orenbur nikrutlary (Orenburg rekrutlary көе).

23. Recruit көе (Recruit журы).

24. Səjidə.

25. Sahay. (Sahai көенә).

26. Sovkhoz журы.

27. Stalinga saləmem.

28. Takmak

29. Таң.

30. Tugan il (Plennyilar журы).

31. Udar il.

32. Urozhay.

33. Ufa-Chiləbe.

34. Khəmdya.

35. Chishmə.

36. Yalkau ham udarnitsa.

37. Əңгәр-мөңгөр.

38. Yanga Mədinəkəi.

Comrade Eichenwald's Notes

1. Abau, gəlkəem.

2. Avyl.

3. Avyl көе.

4. Akup (Okop көе).

5. Alai.

6. Almagach (I. No. 56).

7. Almagach (I I. No. 57)

8. Alsou.

9. Anam kabereḋə.

10. Əpipə.

11. Bashmagym.

12. Bolyn.

13. Vesyolaya pesnya.

14. Gəłchəchək.

15. *Dzhuacha (Yuacha)*³.

16. Dim bue.

17. Dulkyn.

18. Zamana.

19. Zarif.

20. Zəbərzhət.

21. Irkəm.

22. Ishbuldin.

23. No title given.

24. Kaz kanaty.

25. Kara urman.

26. Kərvan.

27. Kugərchen.

28. Kyr kazy.

29. Macarius (Məkərkə I).

30. Macarius (Məkərkə II).

31. Məstyrə.

32. Minzələ.

33. *Muty*⁴.

34. Nalasa I (No. 6).

35. Nalasa II (No. 42).

36. Narasyi bala.

37. Plyaska.

38. Rəikhan

39. Rekrutlar

40. Sagynu

41. Samat

42. Sandugach

³ The transcription of the title is the same as given in the document. – *Yu. Isanbet*.

⁴ The transcription of the title is the same as given in the document. – *Yu. Isanbet*.

43. Səgat.
44. Soltankay
45. Stalinga.
46. Təzkirə.
47. Traktorist.
48. Tugan il.
49. Ural.
50. Uchy chirde?
51. Fatykh.
52. Khafizəkəi.
53. Khəmdya.
54. havalarda yoldyz.
55. Chishmə.
56. Shamet?
57. Shəkertlər журы.
58. Shundy.
59. Yamle Agyidel [32].

Eichenwald's notes, unlike Klyucharev's, have never been published. Twenty seven songs under the same titles as in A. Klyucharev's list (it can be assumed that their musical notations were identical) are included in the collection of musical pieces "Tatar halyk köylərə" [30]. However, the titles of four songs were verified, and one song was re-named: 1. "Bərə bue" = "Bərə kœ"; "Leningrad – Moskva" = "Moskva – Kargaly"; "Orenbur nikrtlary" = "Orenburg rekrutlary kœ"; 4. "Sakhay" = "Sakhay kœ"; 5. "Tugan il" = "Plennyilar журы".

Eleven songs (or songs with similar names) from this list are not found in Klyucharev's publications: 1. "Əidə, dustym, teatrğa"; 2. "Balalar ueny"; 3. "Batyr Kolkhozchy"; 4. "Жырлык əle"; 5. "Zəlkəbirə"; 6. "Rekrut kœ (журы)"; 7. "Stalinga səlamem"; 8. Takmak; 9. "Urozhai"; 10. "Chishmə"; 11. "Yalkau həm udarnitsa". The songs of the same name "Balalar ueny" and "Rekrut kœ (журы)", published in Klyucharev's collection in 1955, were recorded in the Aktanysh Region of the TASSR in 1939. [36]. But most of them can be found in the Eichenwald fund at the State Central Museum of Musical Culture (fond 159): "Aydə, dustym, teatrğa"; "Batyr Kolkhozchy"; "Gyrlyk əle"; "Stalinga səlamem"; Takmak; "Urozhai"; "Yalkau həm udarnitsa". [37]: Avyl kœ (item 724); 2. Avyl kœnə (kœ) (item 725); 3. Avyl kœnə (kœ) (item 726); 4. Aylar gynaem (item 723); 5. Aydə, dustym, teatrğa (item 722); 6. Kolkhozchi Batyr (item 727); 7. Bishek журы (units 728); 8. Жыр (units 730); 9. Жырлык ele (item 729); 10. Kitəm inde (item 731); 11. Kolkhozchylar журы (units 732); 12. Kulik kœ (item 733); 13. Leningrad-Moskva (Məskəy) (item 734); 14. Mərfuga (item 735); 15. Səjidə (item 736); 16. Sovkhoz журы (units 738); 17. Sakhai

[Sakhai kœnə] (item 737); 18. Stalinga səlamem (item 739); 19. Takmak (item 740); 20. Таң (item 741); 21. Urozhai (item 742); 22. Ufa-Chilebe (item 743); 23. Yalkau həm udarnitsa (item 745); 24. Yaңa Mədinəkəi (units 746); 25. Khybai kashka (item 744).

Results

The activities of the Musical and Folklore Office (The Office of Folk Music), covering almost a 15-year period (April 1937–1951), were not purposefully studied by Kazan musicologists, and the pre-Klyucharev (that is, the Eichenwald) period was first hushed up, and later was not taken into account at all as if it did not exist. A. Eichenwald was the head (the principle) of the Office for a short time, too short to accomplish something significant. Moreover, there were no appropriate financial and human resources to solve the tasks assigned to the Office during its organization. However, there were long-term plans for fulfilling these tasks and they were being developed, and we would like to know more about them, because in the entire history of our republic there has never been a single research or practical institution that has managed to cover in its preliminary plans, so sensibly and comprehensively, and with a full understanding of the relationship between its individual components, all the elements of a unified research-practical-creative system of collecting, recording, storing, studying, publishing and practical use in professional work of the musical and poetic folklore of the peoples of Tatarstan, primarily the Tatars.

Conclusions

The currently available documents of the early history of the Office contain information about the activities of its head (principle), A. Eichenwald, and its researchers - A. Klyucharev and S. Tagirov. During this period, the necessary equipment was purchased, folklore expeditions were organized, and musical collections of folklore records were prepared for publication. A. Eichenwald stayed in this position for a little over six months. The documents, we have found, show that he could have resigned of his own free will or due to the force of external circumstances. In his resignation letter, the composer named a number of factors hindering the proper performance of his professional responsibilities (lack of premises, mechanical sound recording equipment, musical instruments, accommodation problems).

References

1. Isanbet, Yu. N. (2022). *Simfonicheskii kontsert vostochnoi muzyki v Kazani 1923 goda* [The Symphony Orchestra Concert of Oriental Music in Kazan in 1923]. *Tatarica*. No. 1 (18), pp. 116–139. (In Russian)
2. Isanbet, Yu. N. (2022). *Kontserty vostochnoi muzyki v Parizhe* [Concerts of Oriental Music in Paris]. *Tatarica*. No. 2 (19), pp. 66–100. (In Russian)
3. *Pis'mo Z. Al'meyeva A. Eykhenval'du* (1935) [A Letter from Z. Almeev to A. Eikhenvald]. 22 noyabrya 1935 g. GTSMMK. F. 159, No. 1732/1832. (In Russian)
4. *Pis'mo G. Al'mi A. Eykhenval'du* (1936) [A Letter from G. Almi to A. Eichenwald]. 11 maya 1936 g. GTSTF. No. ? (In Russian)
5. Kozlova, N. (1936). *Opera "Step"* ["The Steppe" Opera]. *Krasnaya Tatariya*. 10 sent. (pod initialsami N. K.). (In Russian)
6. *Spravka, podpisannaya M. Muzafarovym i direktorom muzykal'nogo sektora radio V. I. Vinogradovym* [A Certificate Signed by M. Muzafarov and the Head of the Radio Music Sector V. I. Vinogradov]. GTSMMK. F. 159, No. 1093. (In Russian)
7. *Spravka ot 15 aprelya 1937 goda* (1937) [A Certificate of April 15, 1937]. GTSMMK. (In Russian)
8. *Programma radioperedach na mart 1937 goda* (1937) [A Radio Timetable for March 1937]. (In Russian)
9. *Spravka radiokabineta* [Information from the Radio Office]. GTSMMK. F. 159, No. 926. (In Russian)
10. *Тыңлагыз, тыңлагыз, Kazan söyli: Radiostantsiya RV-17* (1937) [Listen, listen, Kazan speaks: Radio Station RV-17]. Kazan. 11 p. GTSTF. (In Tatar)
11. Nigmedzyanov, M. N. (1964). *Tatarskaya narodnaya pesnya v obrabotke kompozitorov* [Tatar Folk Songs Arranged by Professional Composers]. 139 p. Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)
12. *Protokol obsuzhdeniya opery "Step"* [Discussion Proceedings of "The Steppe" Opera]. GTSMMK. F. 159, No. 1089. Mashinopis'. 7 pages. (In Russian)
13. *Vstupitel'noe slovo Yu. V. Vinogradova pered pokazom opery "Step"* 31 maya v Dome uchitelei [Yu. V. Vinogradov's Introductory Speech before the Show of "The Steppe" Opera on May 31 in the House of Teachers]. GTSMMK F. 159, No. 955. (In Russian)
14. Ternovskii, V. N. (1937). *Opera "Step"* v kontsertnom ispolnenii [The Concert Performance of "The Steppe" Opera]. *Krasnaya Tatariya*. 14 iyunya. (In Russian)
15. *Dogovor Upravleniya po delam Iskusstv pri SNK ATSSR s kompozitorom-etnografom A. Eykhenval'dom ot 8 sent. 1936 g.* (1936) [An Agreement of the Department of Arts under the Council of People's Commissars of the ATSSR with the composer-ethnographer A. Eichenwald dated 8 September, 1936]. GTSTF. (In Russian)
16. *Trudovoi spisok A. A. Eykhenval'da* [A Labor List of A. A. Eichenwald]. (In Russian)
17. *Muzykal'no-fol'klornyi kabinet v Kazani* (1937) [The Musical and Folklore Office in Kazan]. *Krasnaya Tatariya*. No. 73. 30 marta. (In Russian)
18. Eikhenvald, A. (1937). *Sobirat' muzykal'noye narodnoye tvorchestvo* [Collecting Musical Folk Art]. *Krasnaya Tatariya*. 8 apr. (In Russian)
19. *Muzykal'no-fol'klornyi i nauchno-issledovatel'skii kabinet* (1937) [Musical-Folklore and Research Office]. *Krasnaya Tatariya*. 4 apr. (In Russian)
20. *Zayavlenie A. Eykhenval'da ob uvol'nenii iz Fol'klornogo tsentra ot 8 oktyabrya 1937 g.* (1937) [A. Eikhenvald's Resignation Letter on his dismissal from the Folklore Center of October 8, 1937]. GTSTF. (In Russian)
21. *Prikaz nachal'nika Upravleniya po delam iskusstv pri Sovete Narodnykh komissarov TASSR G. K. Yausheva No. 105 ob uvol'nenii A. Eykhenval'da. 11 oktyabrya 1937 g.* (1937) [An Order of G. K. Yaushev, the Head of the Department for Arts under the Council of People's Commissars of the TASSR, No. 105 on the dismissal of A. Eichenwald. October 11, 1937]. GTSTF. No. (In Russian)
22. Gyl'mi, L. (1937). *Khalyk doshmannarynyh açinayat'laren akhryncha fash itik* [Let Us Gradually Expose the Crimes of the Enemies of the People]. *Kyzyl Tatarstan*. 29 mart. (In Tatar)
23. Shahimorotov, Z. (1937). *Səngat' eshləre idarəsəndə borylysh kyrenmi* [No Turning Point in the Direction of Art]. *Kyzyl Tatarstan*. No. 192. 21 avg. (Chyn familiyase: Sh. Zəini). (In Tatar)
24. Nigmedzyanov, M. N. (2003). *Tatarskaya narodnaya muzyka* [Tatar Folk Music]. 255 p. Kazan', Magarif. (In Russian)
25. *Ob"yasnitel'naya zapiska k godovomu otchetu Tatarskoi gosudarstvennoi filarmonii za 1937 god* (1937) [An Explanatory Note to the Annual Report of the Tatar State Philharmonic Society of 1937]. NA RT, f. 7346, op. 1, yed. khr. 2, l. 45 ob. (In Russian)
26. *Spisok raznykh lits (kreditorov) Tatgosfilarmonii po sostoyaniyu na 1/1 38 g.* (1938) [A List of Different Persons (Creditors) of the Tatgosphilharmonia of 1/1 38]. NA RT. F. 7346, op. 1., yed. khr. 2, l. 45 ob. (In Russian)
27. *Spisok podotchetnykh lits Tatgosfilarmonii po sostoyaniyu na 1/1 38 g.* (1938) [A List of Accountable Persons of the Tatgosphilharmonia of 1/1 38]. NA RT. F. 7346, op. 1., yed. khr. 2, l. 45 ob. (In Russian)
28. *Raspiska A. Klyuchareva ot 11 oktyabrya 1937 g. o poluchenii ot A. Eykhenval'da raspiski redaktora izdatel'stva o tom, chto im polucheno iz fol'lornogo kabineta 26 zapisey tatarskikh narodnykh pesen* (1937) [A. Klyucharev's receipt dated October 11, 1937 on receipt from A. Eikhenvald of the publisher's editor's receipt that he received 26 recordings of Tatar folk songs from the Folklore Office]. GTSTF No. ? (In Russian)
29. *Zayavlenie A. S. Klyuchareva 27 avgusta* [A. S. Klyucharev's Application of August 27]. GTSMMK.F. 159, No. 936. (In Russian)

30. *Tatarskiye narodnye pesni: T. 1* (1941) [Tatar Folk Songs: V. 1]. Pod obshch. red. A. S. Klyuchareva, predislovie i kommentarii V. Vinogradova, A. Klyuchareva, M. Sadri. 204 p. Kazan', Tatgosizdat. (In Russian)

31. *Raskhody po kabinetu fol'klora na 1937 g.* (1937) [The Folklore Office Expenses of 1937]. NA RT. F. 7346, on. 1, yed. khr. 2, l. 59. (In Russian)

32. *Akt sdachi-priyema imushchestva ot 9 oktyabrya 1937 goda* (1937) [A Delivery and Acceptance Certificate of Property, dated October 9, 1937]. GTSTF. (In Russian)

33. *Tatar muzyka fol'klory* (1937) [Tatar Music Folklore]. Kyzyl Tatarstan. No. 214. 16 sent. (In Tatar)

34. *50 narodnykh pesen, zapisannykh na fonografe* (1937) [Fifty Folk Songs Recorded on a Phonograph]. Krasnaya Tatariya. No. 253. 3 noyab. (In Russian)

35. *Spisok 18 pesen, zabrakovannykh dlya vklyucheniya v sbornik Upravleniya po delam iskusstv* [A List of 18 songs rejected for inclusion in the Department for Arts compilation]. (In Russian)

36. Klyucharev, A. (1952). *Khor ochen tatar khalyk jырлары: ike bayan belən = Tatarskiye narodnyye pesni dlya khora: v soprovozhdenii dvukh bayanov* [Tatar Folk Songs for Choir: Accompanied by Two Button Accordions]. A. Klyucharev. 52 p. Kazan, Tatgosizdat. (In Tatar)

37. *Notnye zapisi Klyuchareva, sdelannye do uvol'neniya A. Eikhenval'da iz kabineta* [Klyucharev's musical notes made before the dismissal of A. Eichenwald from the Office]. GTSMMK f. 159. (In Russian)

АНТОН ЭЙХЕНВАЛЬД И КАЗАНСКИЙ КАБИНЕТ МУЗЫКАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА

Юлдуз Накиевна Исанбет¹,
Казан,
mileuscha@mail.ru.

В статье систематизированы архивные материалы о создании Казанского кабинета музыкального фольклора. В центре внимания оказалась деятельность композитора А. Эйхенвальда в лице директора (заведующего) указанной структуры. Композитор мечтал превратить кабинет в образцовую лабораторию механической записи звука, привлечь к сотрудничеству квалифицированных научных работников, которые будут записывать музыкальный и литературный материал, исследовать записанное, выявлять исторические данные, составлять фонды записей, обрабатывать и готовить их к изданию. На основе анализа архивных материалов в статье доказывается, что А. Эйхенвальд продержался на своей должности полгода и был вынужден с ней расстаться под гнетом внешних обстоятельств или по собственному желанию.

Ключевые слова: татарская музыка, А. Эйхенвальд, А. Ключарев, Казанский кабинет музыкального фольклора

Введение

Когда в сентябре 1928 года А. Эйхенвальд принял приглашение работать в опере Малышева, гастролирующей в Казани, он приехал в Казань с достаточно большим концертным репертуаром татарских и башкирских народных песен – к семи казанским номерам 1923 года [1] прибавилось еще двенадцать, подготовленных им для парижских концертов восточной музыки [2]. Однако Казань встретила неприветливо. Его вклад в популяризацию татарской музыки

оказался не востребовавшимся. Ни одно из начинаний А. Эйхенвальда не нашло поддержки.

Пав жертвой интриг и междоусобной борьбы дирижеров и фольклористов, в начале января 1929 года Эйхенвальд подписал договор с дирекцией оперного театра и отправился за рубеж – в город Бежица-Брянс (Чехословакия). Затем, с 12 сентября 1929 года, он некоторое время работал дирижером и этнографом по записи народной музыки в Самарканде. В 1930 – 1934 гг. – в Самаре.

Материалы и методы исследования

Материалом для анализа архивные материалы, связанные с работой композитора

¹ По причине ухода из жизни автора структура статьи была выстроена в соответствии с требованиями журнала редактором М. М. Хабутдиновой.

А. Эйхенвальда в Казанском кабинете татарского фольклора.

В работе используются традиционные методы: описательный, сравнительный, классификационный методы исследования, работа с научными источниками, метод анализа и обобщения.

Обсуждение

Казанцы о концертах А. Эйхенвальда 1923 г. не забывали, а гастрольные показы в Казани «Степи» в 1932 г. обновили эти воспоминания. Несмотря на то что творческие планы композитора, связанные с Казанью, редко претворялись в жизнь, все же о нем как о знатоке народной музыки время от времени вспоминали. Так, 22 ноября 1935 года музыкальный редактор радиокомитета (Комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК Татарской АССР) З. Альмеев обратился к А. Эйхенвальду со следующим письмом:

«Уважаемый Антон Александрович!

По имеющимся в Татарском радиокомитете сведениям, Вы занимаетесь над обработкой татарской народной музыки. У меня к Вам просьба следующего содержания.

Татарский Радиокомитет поставил перед собой задачу собрать весь обработанный татарский песенный фольклор для обогащения репертуара Радиокомитета. Поэтому я от лица Радиокомитета прошу выслать список имеющейся в Вашем распоряжении литературы и сообщить условия, на которые Вы сможете представить в наше распоряжение означенный выше материал.

Жду Вашего незамедлительного ответа» [3].

Неизвестно, что ответил и мог ли результативно ответить на это письмо А. Эйхенвальд. Вряд ли он перевез в Ашхабад, где с 22 августа 1933 года по декабрь 1936 года работал научным работником по искусству в Туркменском государственном НИИ и директором (заведующим) кабинета народной музыки, весь свой архив и имел при себе необходимые материалы. Но некоторое время спустя, когда у А. Эйхенвальда появилась возможность самому побывать в Казани, он откликнулся на просьбу Радиокомитета.

В середине 1930-х годов обстоятельства благоприятствовали возобновлению деловых контактов А. Эйхенвальда с Казанью. В начале 1936 года в СССР руководство делами искусств было выведено из-под ведения Народного комиссариата просвещения и передано в ведение нового Всесоюзного комитета по делам ис-

кусств при Совете народных комиссаров СССР и его Управлений в республиках. 31 марта 1936 года начальником Управления по делам искусств при Совете народных комиссаров Татарской АССР был назначен Гумер (Омар) Камалович Альмухаметов (Альми), человек энергичный, способный проводить свою линию. Он попытался пересмотреть некоторые, уже традиционные для Казани решения (например, о работе Татарской государственной оперной студии в Москве). Именно он, видимо, вопреки мнению отдельных музыкальных деятелей (или в пику им) уже 11 мая 1936 года и пригласил А. Эйхенвальда на работу в Казань, сначала не очень четко представляя, чем именно мог бы заниматься здесь композитор и дирижер. Он предоставлял А. Эйхенвальду некоторое право выбора.

«Многоуважаемый Антон Александрович! – писал Г. Альми. – Имею сведения о том, что Вы очень много поработали над татарской музыкой. Кроме того, я слышал о Вас хорошие отзывы.

Вам, вероятно, известно, что мы в Казани начали строить оперный Театр и создаем татарскую национальную оперу. В Москве, при МГК <Московской государственной консерватории>, мы имеем оперную студию. Сейчас перед нами огромная задача – создать оперу.

Разумеется, что для этого нужно иметь соответствующие квалифицированные кадры. Я лично надеюсь, что Вы не откажетесь принять участие в решении этой огромной важности задачи.

Если Вы считаете желательным для Вас самих участие в создании татарской национальной оперы, то прошу Вас сообщить, в какой форме, по Вашему мнению, можно было бы осуществить это участие. Нам очень желательно было бы иметь постоянным работником в Казани. Вам известно, что мы имеем Музыкальный техникум. Разумеется, Вы были бы в этом техникуме ценным и одним из основных преподавателей.

Словом, область работы в Казани достаточно широка и, думаю, Вас могла бы работа здесь вполне удовлетворить. Во всяком случае, создание Управления по делам Искусств при Совнаркомме даст возможность нам упорядочить работу на музыкальном фронте.

Прошу Вас незамедлительно сообщить Ваше мнение по затронутым мною вопросам. Надеюсь, что при условии Вашего принципиального согласия приехать в Казань, Вы не откажетесь нам сообщить Ваши условия» [4].

Такое приглашение открывало перед А. Эйхенвальдом широкие творческие возможности. Действительно, он мог бы писать новые оперы и другие произведения, основанные на

татарских народных темах, или же преподавать в музыкальном техникуме, как предлагал ему Г. Альми. Но у А. Эйхенвальда были и собственные предложения и планы. Незадолго до приглашения приехать в Казань, 5 марта 1937 года, А. Эйхенвальд из научных сотрудников Туркменского государственного НИИ сделался заведующим Музыкально-научным кабинетом Управления по делам искусств Туркменской ССР. Ему захотелось создать нечто подобное и в Казани, тем более что фольклорные кабинеты стали организовываться при Управлениях по делам искусств разных регионов в плановом порядке, и перед Казанью такая задача могла уже стоять.

В конце августа – начале сентября он приехал в Казань для переговоров. Встретили его приветливо. Публикация в газете «Красная Татария» (10 сентября) емкой по содержанию статьи Н. К. (Н. Козловой) «Опера Степь», охарактеризовавшей специфические особенности оперы и некоторые вехи ее истории, вновь привлекла к имени А. Эйхенвальда широкое общественное внимание:

«На днях в Казанском музыкальном техникуме состоялся просмотр оперы „Степь“ композитора Антона Эйхенвальда. Эта опера, созданная на основе татарских и башкирских народных мелодий, явилась плодом долголетних трудов композитора по собиранию музыкально-песенного фольклора. Эту работу А. А. Эйхенвальд начал в Казани около 40 лет тому назад. В поисках песен и легенд он объездил почти всю Казанскую и соседнюю Уфимскую губернии...

Композитор гармонизировал и оркестровал народные мелодии. В оперном оформлении они звучали с исключительной свежестью, ничего не потеряв в национальном своеобразии» [5].

Тем временем фольклорная комиссия Татарского радиокомитета на своем заседании от 2 сентября 1936 года пришла к решению приобрести (купить) у Эйхенвальда «художественно-обработанные татарские народные песни, вошедшие в его татарскую оперу „Степь“», для включения их в свой повседневный репертуар. Это были приобретенные затем и Казанским музыкальным училищем:

1. Ария Шафкат («О, Керим...») на тему песни «Сибелэ чэчэк»;
2. Песня Фатимы («Бибкэй-кыз»);
3. Колыбельная Шафкат на основе песни «Минем бабай»;
4. Песня Биктемира на основе песни «Туган ил»;

5. Ария Шафкат «О, Амирхан» на основе песни «Җалаварда йолдыз»;

6. Песня Карима «Звонит пчела...» на основе песни «Куш белэзек»;

7. Песня Керима «Мой дед певец и вождь...» на основе песни «Эскадрон».

«Композитор Эйхенвальд очень точно записал и, обрабатывая их в художественную форму, не изменил ни одной ноты, правильно подошел к задаче поднятия татарской музыки на высокую культурную ступень, найдя верный способ гармонизации», – говорится в справке, подписанной М. Музафаровым и директором музыкального сектора радио В. И. Виноградовым [6].

Из справки, выданной 15 апреля 1937 года, явствует, что 5 сентября 1936 года фольклорная комиссия спустя несколько дней после прослушивания отрывков из оперы «Степь» прослушала и эйхенвальдовские обработки туркменских напевов (Туркменскую сюиту) «Марш „Первое мая“», «Туркменский марш», «Белый ишачок», «Любовная», «Караван», «Колыбельная», «Утро», «Девушка» и «Бег коня» и, как определено в документе, «приобрела их для транслирования по радио и исполнения в открытых концертах, чтобы ознакомить широкие массы трудящихся с музыкальной культурой туркменского народа» [7].

Одно из исполнений «Туркменской сюиты» по республиканскому радио состоялось 11 марта 1937 года в 22.00–22.30. Дирижировал автор (см. Программу радиопередач на март 1937 года [8]).

«Художественная обработка туркменской народной музыки композитором Эйхенвальдом, хоть и изобилует сложными контрапунктическими и оркестровыми сочетаниями и применением высокой европейской техники, сделана настолько мастерски, что сохраняет всю специфику и дает полное представление об исключительном творчестве туркменского народа», – утверждалось в справке радиокомитета [9].

В те годы передачи на радио шли «вживую», участники не только информационных, но и художественных передач выступали непосредственно перед микрофоном. Кроме того, существовала такая форма художественного вещания, как трансляция публичных концертов, самим же радиокомитетом и организованных. Для маленького штата артистов Татарского радио решение вопроса о постоянном обновлении репертуара было непростым делом. Од-

нажды разученное произведение, тем более оркестровое, исполнялось в их концертах неоднократно. Поэтому по одному из известных исполнений «Туркменской сюиты» по республиканскому радио (дирижер А. Эйхенвальд), состоявшемуся 11 марта 1937 года в вечерней полчасовой передаче (22.00–22.30), можно предполагать, что это исполнение произведения было не единственным [10, с. 11].

Тогда же или чуть позже были приобретены и некоторые другие произведения композитора. Например, анализируя татарскую народную песню «Алма» в обработке для пения с фортепиано А. Эйхенвальда, М. Нигмедзянов указывает, что ее рукопись находится в фонде Татарского радио [11, с. 26–28]. Поскольку рукописный фонд радио формировался из произведений, исполняемых по радио, то само наличие рукописи в фонде уже подтверждает факт ее приобретения (исполнение изданных произведений не оплачивалось).

5 сентября 1936 года Управление по делам искусств провело в Татарском техникуме искусств прослушивание оперы «Степь». Проведение собрания по прослушиванию и обсуждению оперы А. Эйхенвальда в техникуме искусств имело целью не только напоминание о произведении, но и выяснение того, как относятся авторитетные казанские музыкальные деятели к возможному назначению А. Эйхенвальда на должность, с чем связывались у присутствовавших некоторые надежды на пробуждение интереса профессиональных музыкантов к татарской народной музыке. Поэтому на обсуждении «Степи» был затронут вопрос и о дальнейших путях развития татарской профессиональной музыки [12]. Кроме директора техникума И. В. Аухадеева и педагогов-музыкантов А. Ф. Бормусова, Е. Г. Ковельковой, М. А. Пятницкой, Р. Л. Полякова, присутствовали композиторы В. И. Виноградов и Дж. Файзи, председатель Управления Г. Альмухамметов, директор радиокомитета К. Шафигуллин, композитор-студиец Ф. Яруллин.

Виноградов В. И. «Несмотря на фортепианное исполнение, можно составить определенное мнение об опере – музыка сложная, мастерская, художественная. Остановимся на главных этапах: 1) национальный дух сохранен, особенно в самых художественных местах оперы: Колыбельная Шевхат, Марш. В самых важных ответственных местах сохранен татарский колорит. Автор связан тат<арской> народной песней, но, умея ей пользоваться он показы-

вает ее со всех сторон. <...> Легенда очень поэтична. В этом произведении мы не находим формализм благодаря связи либретто с музыкой. Вся опера базируется на татарском фольклоре. В опере важно подчеркнуть музыкальный портрет действующего лица. Может быть, благодаря поверхностному прослушиванию оперы не удалось уловить ярких музыкальных характеристик главных персонажей.

В этой опере эмблемой является белый конь, раскрепощение степи – казалось, что нужно было бы показать в опере эту эмблему.

Музыка с начала до конца равноценна, хотелось бы подчеркнуть образ Шевхет и Керима. Во всяком случае, это произведение обогащает татарскую музыку».

Файзи Дж. Опера создана по образцу классической. Удобна для исполнения. «Но во всех отношениях эту оперу татарской считать нельзя, т. к. основными мелодиями являются [12, лист 3] башкирские, напр<имер> Эскадрон – это я считаю недостатком оперы».

Альми Г. Недостатков меньше, чем достоинств, и они могут быть легко устранены. «Использование башкирских мелодий является не минусом, а плюсом, т. к. татары не считают чуждыми башкирские мелодии. Важно не происхождение мелодий, а как они воспринимаются народом». Вклад в золотой фонд тат<арской> музыки.

Аухадеев И. В. Сравниваю с другими тат<арскими> операми. «Эшче» была рассчитана на неподготовленного слушателя.

Чрезвычайно ценно и интересно проведение речитатива Керима на фоне башкирской мелодии Эскадрон.

Яруллин Ф. «Никто не сказал о гармоническом развитии оркестра в опере. Почему нельзя было развить первую тему? В увертюре есть известная ключковатость и несколько тем, не связанные одна с другой, не получают должного развития. При передаче личных переживаний главных персонажей замечается отход от татарской идеологии и тат<арских> народных тем. В марше нет живости и бодрости, ничего героического, поднимающего <...> [12, лист 6].

Несмотря на все положительные отзывы, постановка в Казани оперы «Степь» в ближайшие 1936–1937-е годы была невозможна по объективным причинам. В Казани не было оперной труппы и оперного театра, а на включение оперы в учебно-производственные планы оперной студии в Москве мнение выступавших повлиять не могло. Скорее всего, прослушивание и обсуждение должны были продемонстрировать дружественное отношение к ее автору и открыть перед ним некоторые другие перспективы для работы в Казани. Правда, как пишет Н. К. в статье «Опера «Степь» (Красная Татария. 1936. 10 сент.), при-

звано было желательным издать партитуру «Степи», что осуществить на деле также было совсем непросто [5].

Все, что можно сделать в Казани для популяризации оперы А. Эйхенвальда в те годы, было сделано весной 1937 года, когда состоялся открытый показ оперы в концертном исполнении, подготовленный силами Радиокomiteта. Дирижировал Дж. Старжиганов (Садрижиганов). Показ проходил 31 мая в Доме учителей и предварялся вступительным словом Ю. В. Виноградова [13]. Возможно, концертов было два – в рецензии В. Н. Терновского «Опера „Степь“ в концертном исполнении» (Красная Татария. 1937. 14 июня) местом проведения концерта назван Театр юного зрителя [14].

При прослушивании оперы «Степь» в Казанском техникуме искусств, кроме обсуждения оперы как художественного произведения, ее достоинств и недостатков, был затронут вопрос определения путей развития татарской профессиональной музыки. Одним из главных недостатков молодых композиторов была названа оторванность от национальных корней, плохое знание ими народной музыки или пренебрежение ею.

Шафигуллин К. В татарской музыке должны быть использованы лучшие примеры татарской народной песни. Молодые татарские композиторы не имеют правильного представления/мнения о татарской музыке и не находят в ней достаточного материала для разработки национальных мелодий.

Аухадеев И. В. «В опере Жиганова использованы 2 или 3 тат<арские> народные песни. Они вставлены в оперу, но в симфоническом плане не разработаны. Здесь же вся опера составлена из тат<арского> фольклора [12].

К проблеме формирования татарской композиторской молодежи А. Эйхенвальд отнесся с большим вниманием и проявил искреннюю готовность помочь молодым композиторам в постижении национальной специфики татарского народного музыкального творчества.

«Теперь фольклорным материалом стали больше интересоваться. Я думаю, что мой приезд всколыхнул любовь к фольклору и, может быть, даст толчок молодым композиторам. Я с удовольствием бы руководил татарскими молодыми композиторами и привил бы им любовь к народному творчеству. Оно представляет большой интерес и до сих пор не изучено, но я уверен, что в будущем тат<арские> композиторы переключатся на фольклор и создадут большие татарские произведения. Татарская музыка, настолько интересна, что заслу-

живает большого внимания», – сказал он в своем заключительном слове [12].

Но, как и его опера, практическая творческая помощь А. Эйхенвальда молодым композиторам осталась не востребовавшей.

Однако разговор в техникуме искусств все же не был безрезультатным. В связи с пожеланиями приблизить творческую молодежь к национальным истокам встал вопрос о судьбе самой народной музыки. Р. Л. Поляков, подчеркнув, что А. Эйхенвальд «давно работает по линии татарского творчества», призвал «приложить все усилия и создать условия для организации научной ассоциации по разработке народного материала». К. Шафигуллин пожелал Эйхенвальду «вернуться в Казань, создать Институт собирания татарских народных материалов и поднять тат<арскую> музыку» [12].

А. Эйхенвальд, приехавший в Казань на переговоры, то ли сам предложил организовать в Казани фольклорный кабинет по типу туркменского, то ли организация таких кабинетов в национальных республиках осуществлялась в централизованном порядке, но к этому времени вопрос о необходимости организации кабинета уже был согласован с Управлением по делам искусств. Возможно, Г. Альми устроил творческое совещание именно с тем, чтобы найти подтверждение верности своего решения и заручиться согласием ведущих казанских педагогов-музыкантов.

Г. Альми объявил, что «Управлением по делам Искусств решено организовать научный кабинет для изучения тат<арского> фольклора, и организация этого кабинета даст возможность молодым композиторам широко пользоваться тат<арскими> народными мелодиями» [12].

8 сентября 1936 года А. Эйхенвальд и Г. Альми заключили следующий договор:

«Мы, ниже подписавшиеся Управление по делам Искусств при СНК АТССР в лице начальника Омара Камаловича АЛЬМУХАМЕТОВА и композитор-этнограф Антон Александрович ЭЙХЕНВАЛЬД, заключили настоящий договор в следующем:

1. ЭЙХЕНВАЛЬД берет на себя обязанность Директора Музыкального Фольклорного кабинета в Казани, состоящего при Управлении по делам Искусств сроком с 1-го января 1937 года по 1-е января 1940 года. Условия работы определяются положением о кабинете, утвержденным при СНК АТССР.

2. Управление по делам Искусств уплачивает ЭЙХЕНВАЛЬДУ по должности Директора кабинета по тысячу пятьсот рублей в месяц.

3. Управление по делам Искусств представляет ЭЙХЕНВАЛЬДУ за счет Управления квартиру не менее 2-х комнат со всеми удобствами и обстановкой, коммунальными услугами, освещением, отоплением, водой и проч.

4. Управление уплачивает ЭЙХЕНВАЛЬДУ подъемные согласно КЗОТу и дорожные в мягком вагоне от Ашхабада до Казани и багаж.

5. Управление предоставляет ЭЙХЕНВАЛЬДУ ежегодный отпуск в размере двух месяцев.

6. Все записи и расшифровки фольклорного материала, произведенные ЭЙХЕНВАЛЬДОМ в кабинете, составляют собственность кабинета.

7. Остальные условия по особому договору» [15] (курсивом даны вписки от руки. – Ю. И.)

27 ноября 1936 года А. Эйхенвальд написал заявление об уходе и 8 декабря 1936 года был уволен с занимаемой должности в Ашхабаде. Приступил ли он к работе в Казани с 1 января 1937 года или приехал сюда чуть позже, неизвестно, но имеющиеся документы позволяют сделать вывод, что это, пожалуй, произошло ближе к весне [16].

Первое сообщение о кабинете народной музыки на страницах газет опубликовано 30 марта 1937 года. «Красная Татария» писала:

«При Управлении по делам искусств создается музыкально-фольклорный кабинет, директором которого будет работать приглашенный в Казань композитор Антон Эйхенвальд, известный у нас как автор татарской народной оперы „Степь“ и многих симфонических, а также вокальных произведений, основанных на народном музыкальном материале. Антон Эйхенвальд свыше 30 лет работает в области музыкальной этнографии и является знатоком восточной народной музыки.

Как нам сообщил композитор Эйхенвальд, организуемый кабинет явится исследовательским, этнографическим и творческим центром по музыкальному фольклору Татарии. К работе в кабинете привлекаются этнографы, музыканты-композиторы, работающие над татарской музыкой, а также научные силы – фольклористы, историки, языковеды и пр. Они будут записывать музыкальный и литературный материал, исследовать записанное, выявлять исторические данные, составлять фонд записей и обрабатывать материалы для издания. Издаваться будут сборники песен и литературы, а также музыкальные произведения разных форм.

Для записей песен и музыки предполагается оборудовать специальную лабораторию, снабженную звукозаписывающими аппаратами. Из механических записей будут составляться архивы народной музыки и литературного творчества» [17].

Со статьей «Собирать музыкальное народное творчество», посвященной задачам Кабинета народной музыки, выступил и сам А. Эйхенвальд. Он писал:

«Ценные памятники музыкального творчества татарского народа и других народов, населяющих Татарию, до сего времени мало выявлены и не записаны. Они сохраняются или старейшими знатоками песен и музыки или (в небольшом количестве) представителями музыкальной молодежи.

Беспощадное время уносит старейших знатоков песен и музыки. Вместе с ними исчезает запас их знаний, а молодежь, устно переняв знания у стариков, в силу времени и забывания „на слух“, уже неточно воспроизводит и передает заученное.

В Татарии отсутствует серьезная и систематическая работа по собиранию музыкального фольклора, и лишь незначительная часть фольклора записана разными людьми. Записи не собраны воедино и находятся в портфелях этих собирателей.

Выявление, собирание, запись и сохранение музыкального творчества народа поэтому дело очень актуальное. Вот почему организация специального музыкально-фольклорного и научно-исследовательского кабинета при Управлении по делам искусств в Казани надо признать большим культурным и политическим событием.

Нужно осознать всю важность, необходимость и серьезность работы будущего кабинета и создать для него такие условия для работы, чтобы она носила не случайный, временный характер, а была систематической, научной и периодической.

Я считаю, что при кабинете необходимо оборудовать образцовую лабораторию механической записи звука, применяя при этом новейшие достижения наших отечественных изобретателей, одновременно пользуясь опытом европейских ученых.

Необходимо также привлечь к работе в кабинете квалифицированных научных работников.

Надо всемерно помогать такому начинанию, как собирание музыкального творчества народов, населяющих Татарию, так как я знаю по долголетнему своему опыту, как много еще не выявлено замечательных музыкальных и литературных богатств – этих перлов народной фантазии» [18].

По своему последнему наименованию Музыкально-фольклорный кабинет вошел в историю татарской музыки как Кабинет музыкального фольклора (или Казанский кабинет музыкального фольклора), хотя называть «кабинетом» самостоятельное учреждение научно-исследовательского профиля неуместно. Однако при его организации кабинет действительно был кабинетом при Управлении по делам искусств Татарской АССР.

В сохранившихся, к сожалению, не в полном объеме архивных документах Управления по делам искусств Татарской государственной филармонии и самого А. Эйхенвальда, а также в газетных публикациях 1937 года встречаются два варианта названия кабинета:

1. До конца августа 1937 года (период прямого вхождения в структуру Управления по делам искусств) употребляются названия «Музыкальный фольклорный кабинет» [15], [17], [19]. То, что до образования Татарской филармонии один из ее нынешних отделов существовал как «музыкально-фольклорный кабинет при Управлении по делам искусств», подтверждается и филармонией (см.: [л. 45 об.]). Так же именуется кабинет и в деловых бумагах, написанных А. Эйхенвальдом и А. Ключаревым до конца августа 1937 года.

Определение «музыкально-фольклорный» или было в стране изначально унифицированным, общепринятым, или же А. Эйхенвальд предложил его Управлению по аналогии с ашхабадским образцом названия своего предыдущего места работы.

С конца августа 1937 года (после вхождения в состав филармонии) кабинет на некоторое время стал «Музыкально-фольклорным отделом Татарской государственной филармонии». Однако газеты по инерции продолжали употреблять наименование «кабинет», а не «отдел» («музыкально-фольклорный отдел»).

2. А в сентябре – октябре в расписках, заявлениях, актах, подписанных А. Эйхенвальдом и А. Ключаревым, появился новый, более удобный и легкий в произнесении инверсионный вариант названия: «Кабинет музыкального фольклора». В заявлении А. Эйхенвальда об уходе тоже употреблено название «Кабинет музыкального фольклора» [20], а в приказе Г. К. Яушева о его увольнении – даже «Казанский кабинет музыкального фольклора» [21], то ли с определением «казанский», то ли без него, уже в постфилармонические времена утвердившееся как основное официальное название учреждения. Вполне вероятно, что унифицированное для всех структур подобного рода название «Кабинет музыкального фольклора», как это начиная с сентября 1937 года было в ходу в Казани, являлось общесоюзным нововведением.

Наблюдается разнობой и в названии должности А. Эйхенвальда: заведующий – директор. В документах официального характера А. Эйхенвальд именуется «директором» [15],

[17], [21], [23], а в некоторых других [24], [25] – «заведующим». Название «директор» вместо прежнего «заведующий» (школой, техникумом и т. д.) было введено в употребление в 1934 году. Возможно, А. Эйхенвальда могли называть «заведующим» по привычке или по небрежности, не сумев сразу перестроиться на новый лад. Но по отношению к композитору именованное «заведующий» было бы как раз уместным и правильным. Он был именно «заведующим» одной из структур сначала Управления по делам искусств, потом филармонии, на балансе которых находился кабинет, не являющийся самостоятельным юридическим лицом. Глава Управления по делам искусств назывался не «директор», а «начальник». В филармонии же образовались две одинаковые должности «директоров» филармонии и одного из ее отделов. Это никак не соответствовало служебной номенклатуре.

Однако планам А. Эйхенвальда не суждено было осуществиться и на этот раз. 8 октября 1937 года он подал заявление на имя нового начальника Управления по делам искусств Г. К. Яушева, сменившего арестованного к этому времени Г. Альми, с просьбой об увольнении. Мотивировка просьбы была профессиональной:

«Кабинет музыкального фольклора до сего времени не обеспечен помещением, не имеет необходимой аппаратуры по механической записи звука, не имеет музыкального инструмента. Мне лично до сего времени не предоставлена квартира для жилья.

Вследствие этого положения кабинет не может производить продуктивную работу, а так как в дальнейшем улучшения этого положения не предвидится, то я вынужден просить Вас освободить меня от заключенного договора и произвести со мной расчет не позднее 10 с/м <сего месяца>, как по зарплате, квартирных и компенсации за неиспользованный отпуск, предусмотренный по договорам» [20].

В тот же день Г. К. Яушев наложил на заявление резолюцию: «Освободить с 10-го октября и произвести расчеты, временно исполн. обязанность возложить на т. Ключарева. Яушев 8/X 37 г.» [20]

А 11 октября 1937 года, задним числом, появился приказ № 105 Управления по делам Искусств при СНК ТАССР:

«С 10 октября директора Казанского кабинета музыкального фольклора, композитора ЭЙХЕНВАЛЬДА, Антона Александровича, освободи-

дить от занимаемой должности согласно поданного им заявления» [21].

Строго говоря, издавать приказ об увольнении А. Эйхенвальда Г. К. Яушев права не имел. Почему-то, по неосведомленности в тонкостях организационной работы или, может быть, и осознанно, он пошел на нарушение закона. Музыкально-фольклорный кабинет в это время уже был подотчетен Татарской государственной филармонии, организованной Постановлением Совнаркома Татарской АССР за № 1383 от 21 августа 1937 года. Вместе с остатком средств на текущий год кабинет перевели в филармонию в качестве одного из его пяти отделов (1. Гас-трольбюро; 2. Хоровая капелла; 3. Государственный симфонический оркестр; 4. Музыкально-фольклорный отдел; 5. Концертный отдел).

Уже до этого перевода положение Музыкально-фольклорного кабинета было достаточно критическим. Пригласивший Эйхенвальда в Казань Гумер Альмухаметов считался «троцкистско-фашистским националистом» [22], Эйхенвальд тоже раздражал отдельных казанских деятелей культуры. В числе последних был и писатель Ш. Зайни, пописывающий свои газетные публикации псевдонимом «З. Шагимуратов».

В статье «В Управлении по делам искусств без перемен» Ш. Зайни раскритиковал деятельность Г. К. Яушева за развал работы в разных областях театрального и музыкального искусства, вменяя ему в вину закрытие театра музыкальной комедии, простой в строительстве оперного театра, покровительство директору оперной студии Х. Тухватуллину, зря растрачивающему государственные деньги, попустительство Управления по делам искусств Ф. Ф. Витту, изгнанному из Ленинграда после убийства С. М. Кирова, а сейчас проваливающему организацию государственного хорового коллектива филармонии, засоренность Управления по делам искусств насковозь прогнившими элементами и т. д.

«Из 100 тысяч рублей, выделенных государством на организацию фольклорного кабинета, 31 тысяча истрачена. Но очевидных результатов там пока еще не видно. Заведующий кабинетом „профессор“ Эйхенвальд, получая в месяц 1500 рублей, не может оторваться от лежа на боку на даче. Трудящимся Казани этот „профессор“ известен своей вредной оперой „Степь“» [23].

Уволить А. Эйхенвальда, на данный момент уже не заведующего (или директора) Музыкально-фольклорным кабинетом, а руководителя отдела филармонии, мог только ее собственный директор, что он и сделал, продублировав Г. К. Яушева. «В 1937 году по приказу № 27 директора филармонии он <Эйхенвальд> был отстранен от должности директора фольклорного кабинета, и „музыкальное имущество“ было передано А. Ключареву и Г. (С. – Ю. И.) Тагирову. А сданную в печать работу А. Эйхенвальда – „разоблаченного врага народа“ – было предписано изъять из Таткнигоиздата (точнее: Татгосиздата. – Ю. И.). К сожалению, следов этого труда не удалось обнаружить...», – пишет об этом инциденте М. Нигмедзянов [24, с. 17].

Автор не называет дату приказа директора филармонии, а это мешает определить, в какой последовательности увольняли Эйхенвальда из филармонии и Управления по делам искусств. Реальная картина происшедшего оказывается смазанной.

В «Объяснительной записке к годовому отчету Татарской государственной филармонии за 1937 год» констатируется, что музыкально-фольклорный отдел до образования филармонии существовал как «музыкально-фольклорный кабинет при Управлении по делам искусств с ассигнованиями на 100 т. р., сумму вполне достаточную для выполнения поставленных задач. Отдел находился в состоянии полного развала. Была создана комиссия для обследования работы отдела, каковая вскрыла картину полнейшей бездеятельности и безыдейности. Возглавлял кабинет этнограф Эйхенвальд, каковой был с работы снят и впоследствии разоблачен, как враг народа» [25]. В «Списке разных лиц (кредиторов) Татгосфилармонии по состоянию на 1/1 38 г.» при цифре не выданной Эйхенвальду зарплаты в сумме 1995.70 рублей имеется пояснение: «находится под арестом» [26], а в таком же списке «подотчетных лиц» указаны недополученные Эйхенвальдом еще 660.30 рублей, перечисленные Управлением по делам искусств [27].

В совокупности документы Управления по делам искусств и филармонии, появившиеся после заявления Эйхенвальда об уходе от 8 октября, дают основания предполагать, что до или сразу же после разгромного собрания в филармонии (если оно состоялось до, а не после 8–11 октября) А. Эйхенвальд, срочно сдав 9 октября А. Ключареву и С. Ш. Тагирову чис-

лящиеся за собой материалы, тут же предусмотрительно уехал из Казани, не дожидаясь неполученной зарплаты и никаких филармонических «впоследствии», грозящих арестом.

Можно отметить, что А. Эйхенвальд просил Г. К. Яушева уволить его не в принципе, а до конкретного 10 октября, видимо, планируя на это день свой отъезд из города. Из-за задержки с приказом А. Эйхенвальд остался в Казани, по крайней мере, до 11 октября (этим днем датирована сохранившаяся расписка А. Ключарева, данная им А. Эйхенвальду [28]. История деятельности Кабинета народной музыки, тем более в начальной период, фактически не изучена. Пока из конкретных дел кабинета можно указать лишь на подготовку (приобретение?) сборника А. Ключарева «100 башкирских народных песен».

28 августа 1937 года А. С. Ключарев обратился в Управление по делам искусств со следующим заявлением:

«Согласно переговорам с зав. фольклорным кабинетом т. Эйхенвальдом и тов. Яушевым (нач. Управления по делам искусств) предоставляю свой труд „100 башкирских народных песен“, – являющийся расшифровкой фонографических записей, произведенных мною в Башкирии за период с 1934 по 1936 год.

Прошу произвести со мной расчет из расчета по 20 рублей за каждую песню» [29].

На заявлении имеется приписка Эйхенвальда от 28 августа:

«Означенные 100 записей тов. Ключарева представляют большой научно-этнографический интерес и будут ценным вкладом фонда записей Музыкального фольклорного кабинета» [Там же].

Этот сборник Ключарева ни в Казани, ни в Уфе не издавался. Но эти записи могли быть использованы для его многочисленных произведений на башкирском музыкальном материале, возможно, часть песен, записанных в Башкирии, но от информаторов-татар вошла в сборник «Татар халык көйләре» (Казан, 1941) [30].

Попытаемся собрать разрозненные сведения о первых практических шагах кабинета. Необходимо учитывать, что не только в 1937 году, но и за всю историю своего существования кабинет не имел собственного помещения, даже собственной комнаты. Его нехитрое оборудование хранилось в углах разных учреждений. У кабинета не было штатов, в лучшие времена,

кроме секретаря-машинистки (или бухгалтера-совместителя) и руководителя, ему временами выделялись еще две штатные единицы научных работников (композитора и литератора). Кроме того, часть научно-творческой работы при необходимости выполнялась по разовым договорам. В фольклорные экспедиции выезжал единственно А. Ключарев; в редких случаях его сопровождал поэт А. Г. Садретдинов. Кабинет не имел условий для выполнения даже малой дозы той работы, которую он первоначально намеревался взять на себя.

В доступных в настоящее время документах начальной истории кабинета из его штатных работников, кроме заведующего (директора) Эйхенвальда, встречаются упоминания только о научных сотрудниках А. С. Ключарева и С. Ш. Тагирове. Из 100 тысяч рублей, выделенных на организацию кабинета, до его присоединения к филармонии (примерно за 6 месяцев) Управление по делам искусств потратило всего 35800.39 рублей [31]. Что же в среднем на 6 000 рублей в месяц можно было сделать? В кабинете не приобрели даже фортепьяно.

Часть этой суммы ушла на покупку самой элементарной аппаратуры по записям песен, в которую, соответственно акту сдачи-приема инвентаря при увольнении А. Эйхенвальда, входили:

1. Фонограф старый, негодный к употреблению.
2. Мембраны к этому фонографу – 2.
3. Мембран «Рекордер» – 2.
4. Мембран «Репродуктор» – 3.
5. Сапфиры для чистки валиков – 2.
6. Валиков для фонографа – 25 (использованы).
7. Пишущая машинка «Яналиф» (Рекорд) [32].

Фольклорных экспедиций пока не было, но известно о единичных записях народных песен, сделанных А. Эйхенвальдом. В фондах ГЦТФ имеются рукописи песен под названием «Шунды джужа» («Солнце встает»), записанной этнографом в Казани от Малики Низамутдиновой 1 апреля 1937 года, и «Окоп <көе>», записанной им от Баталова из Арска. Много записывал в этот период А. Ключарев. Во всяком случае, неиспользованных валиков в кабинете не осталось.

Началась работа по подготовке нотных фольклорных сборников записей А. Эйхенвальда и А. Ключарева. К 20-летию Октября (7 ноября 1937) срочно подготовили и сдали в пе-

чать сборник татарского музыкального фольклора, о чем 16 сентября 1937 года информировала газета «Кызыл Татарстан»:

«Работники музыкально-фольклорного кабинета записали в городах и селах свыше 100 различных музыкальных произведений.

К 20-летию Октября запланирован выпуск специального сборника татарского музыкального фольклора» [33].

Об этом начинании сообщила и «Красная Татария»:

«Фольклорный кабинет ведет записи татарских народных мелодий. Сейчас подготовлен сборник из 50 песен. Все песни записаны на фонографе» [34].

О существовании рукописного сборника, сданного кабинетом в Татгосиздат, свидетельствует в том числе и расписка А. Ключарева от 11 октября 1937 года, подтверждающая получение им от А. Эйхенвальда расписки редактора издательства о том, что им (редактором) было получено из фольклорного кабинета 26 записей татарских народных песен (к сожалению, не оговорена их авторская принадлежность) [28].

Сохранился список 18 песен, забракованных для включения в сборник Управления по делам искусств:

1. Абау, гөлкәем.
2. Акуп (Окоп көе).
4. Алмагачлары.
5. Алсу.
6. Әйде, дустым, театрга.
7. Бишек жыры.
7. Дим буе.
8. Жыр.
9. Жырлык эле.
10. Зөбәржәт
12. Кәләү Гайшә.
13. Озату.
14. Рекрутлар жыры.
15. Саждә.
16. Таң.
17. Туган ил.
18. Әңгәр-меңгер.
18. Ялкау һәм ударница². [35]

² В различных списках кабинета названия татарских народных песен расположены в произвольном порядке. Несколько названий приведены на русском языке, остальные – в приблизительной татарской транскрипции. Здесь и далее название песен даются

Какое-то представление о полугодовой (примерно) работе кабинета и ее начальном направлении в условиях организационного становления могут дать документы сдачи и приемки дел кабинета.

Акт

1937 г. октября 9 дня мы нижеподписавшиеся директор Кабинета Музыкального фольклора Эйхенвальд и композитор Ключарев составили настоящий акт в том, что первый сдал, а второй принял дела Кабинета:

1) Нотные записи Эйхенвальда. 59 тек. записей (см. прил. <ожение> к акту)

2) Нотные записи Ключарева 38 записей (см. прил. <ожение> к акту)

3) Нотн. записи, забракованные Упр-ием по делам искусств для сборника, 18 записей (см. прил. <ожение>).

Тексты:

Папка № 1, записанные на валики Кабинета, 96 ш.

№ 2, записанные на валиках Академии <Академического центра>, 89 ш.

№ 3. Разные тексты, доставленные А. Эйхенвальдом, 97 ш.

№ 4. разн. тексты, собранные Эйхенвальдом у разных лиц, 98 ш.

№ 5. Опись фонограмм.

№ 6. Дубликаты разных текстов.

№ 7. Дубликаты текстов, записанных на валиках Кабинета.

№ 8. Дубликаты текстов разных лиц.

№ 9. Тексты ненапетые.

№ 10. Список текстов.

№ 11. Список и фамилии лиц, сообщавших тексты и песни.

12. Алфавит текстов.

13. Тексты-черновики.

14. Отзывы.

15. Библиотека.

Приложение

к акту от 9 окт. 1937 г.

Нотные записи т. Ключарева:

1. Авыл көе.
2. Авыл көенә. I.
3. Авыл көенә. II.
4. Айлар гынаем.
5. Ал Зәйнәбем
6. Аппакай-алмакай
7. Әйдә, дустым, театрга.
8. Балалар уены.
9. Батыр колхозчы
10. Бишек жыры.
11. Бөрә буе (Бөрә көе)

на татарском языке и располагаются в списках в порядке татарского алфавита. – Ю. И.

12. Жыр (Жырым)
13. Жырлыйк эле.
14. Зөлхэбирэ.
15. Кэләү Гайшә.
16. Китәм инде.
17. Колхозчылар жыры.
18. Кулик көе.
19. Ленинград-Москва (Оренбург-Каргалы).
20. Мәрфуга.
21. Озату.
22. Оренбур никрутлары (Оренбург рекрутлары көе).
23. Рекрут көе (Рекрут жыры).
24. Сажидә.
25. Сахай. (Сахай көенә).
26. Совхоз жыры.
27. Сталинга саләмем.
28. Такмак
29. Таң.
30. Туган ил (Пленныйлар жыры).
31. Удар ил.
32. Урожай
33. Уфа-Чиләбе.
34. Хәмдия.
35. Чишмә.
36. Ялкау хам ударница
37. Әңгәр-менгер.
38. Янга Мәдинәкәй.

Нотные записи т. Эйхенвальда

1. Абау, гөлкәем.
2. Авыл.
3. Авыл көе.
4. Акуп (Окоп көе).
5. Алай.
6. Алмагач (I. № 56).
7. Алмагач (I I. № 57)
8. Алсу.
9. Анам каберендә.
10. Әпипә.
11. Башмагым.
12. Болын.
13. Веселая песня.
14. Гөлчәчәк.
15. *Джуача (Юача)*³.
16. Дим буе.
17. Дулкын.
18. Замана.
19. Зариф.
20. Зөбәржәт.
21. Иркәм.
22. Ишбулдин.
23. Название не приведено
24. Каз канаты.
25. Кара урман.
26. Кәрван.
27. Кугәрчен.

28. Кыр казы.
29. Макария (Мәкәржә I)
30. Макария (Мәкәржә II)
31. Мәстүрә.
32. Минзәлә.
33. *Муты*⁴.
34. Наласа I (№ 6)
35. Наласа II (№ 42)
36. Нарасый бала
37. Пляска
38. Рәйхан
39. Рекрутлар
40. Сагыну
41. Самат
42. Сандугач
43. Сәгать
44. Солтанкай
45. Сталинга
46. Тәзкирә
47. Тракторист
48. Туган ил
49. Урал
50. *Учы чирде?*
51. Фатыйх
52. Хафизәкәй
53. Хәмдия
54. һаваларда йолдыз
55. Чишмә
56. *Шамет?*
57. Шәкертләр жыры
58. Шунды
59. Ямьле Агыйдел [32].

Записи А. Эйхенвальда, в отличие от ключаревских, никогда не публиковались. Двадцать семь песен под такими же заглавиями, как и в Списке А. Ключарева (можно предполагать, что были идентичными и их нотные записи), включены в сборник «Татар халык көйләре» [30]. При этом у четырех песен уточнены названия, а одна песня переименована: 1. «Бөре буе» = «Бөре көе»; «Ленинград – Москва» = «Москва – Каргалы»; «Оренбур никрутлары» = «Оренбург рекрутлары көе»; 4. «Сахай» = «Сахай көе»; 5. «Туган ил» = «Пленныйлар жыры».

Одиннадцать песен (или песен с подобными названиями) из этого списка в «ключаревских» изданиях не встречаются: 1. «Әйдә, дустым, театрга»; 2. «Балалар уены»; 3. «Батыр колхозчы»; 4. «Жырлыйк эле»; 5. «Зөлхэбирә»; 6. «Рекрут көе («жыры»)»; 7. «Сталинга сәләмем»; 8. Такмак; 9. «Урожай»; 10. «Чишмә»; 11. «Ялкау һәм ударница». Одноименные песни «Балалар уены» и «Рекрут көе»

³ Название приведено в транскрипции документа. – Ю. И.

⁴ Название приведено в транскрипции документа. – Ю. И.

(жыры)», опубликованные в сборнике Ключарева 1955 года, записаны в Актанышском районе ТАССР в 1939 году. [36]. Но с большинством из них («Әйдә, дустым, театрға»; «Батыр колхозчы»; «Жырлыкъ эле»; «Сталинга сәләмем»; Такмак; «Урожай»; «Ялкау һәм ударница») можно познакомиться в фонде Эйхенвальда в ГЦММК (фонд 159). [37]: Авыл көе (ед. хр. 724); 2. Авыл көенә (көе) (ед. хр. 725); 3. Авыл көенә (көе) (ед. хр. 726); 4. Айлар гынаем (ед. хр. 723); 5. Әйдә, дустым, театрға (ед. хр. 722); 6. Батыр колхозчы (ед. хр. 727); 7. Бишек жыры (ед. хр. 728); 8. Жыр (ед. хр. 730); 9. Жырлыкъ эле (ед. хр. 729); 10. Китәм инде (ед. хр. 731); 11. Колхозчылар жыры (ед. хр. 732); 12. Кулик көе (ед. хр. 733); 13. Ленинград-Москва (Мәскәү) (ед. хр. 734); 14. Мәрфуга (ед. хр. 735); 15. Сажидә (ед. хр. 736); 16. Совхоз жыры (ед. хр. 738); 17. Сахай [Сахай көенә] (ед. хр. 737); 18. Сталинга саләмем (ед. хр. 739); 19. Такмак (ед. хр. 740); 20. Таң (ед. хр. 741); 21. Урожай (ед. хр. 742); 22. Уфа-Чиләбе (ед. хр. 743); 23. Ялкау һәм ударница (ед. хр. 745); 24. Яңа Мәдинәкәй (ед. хр. 746); 25. Хыбай кашка (ед. хр. 744).

Результаты

Деятельность Музыкально-фольклорного кабинета (Кабинета народной музыки), в целом охватывающая почти 15-летний период (апрель 1937–1951), казанскими музыковедами специально не изучалась, а доключаревский (то есть эйхенвальдовский) период сначала замалчивался, а позднее и вовсе не принимался во внимание, как будто не существовавший. А. Эйхенвальд пребывал директором (заведующим) кабинета в течение недолгого времени, для того чтобы успеть сделать нечто существенное. К тому же для решения задач, поставленных перед кабинетом при его организации, не было соответствующих финансовых и кадровых ресурсов. Но перспективные планы решения этих задач все же имелись или разрабатывались, и о них хотелось бы узнать больше, ибо за всю историю существования республики не было ни одной научной или практической структуры, сумевшей так толково, всесторонне и с пониманием взаимосвязи отдельных составляющих охватить в своих предварительных планах все элементы единой научно-практическо-творческой системы сбора, записи, хранения, изучения, издания и практического использования в профессиональном творчестве

музыкального и поэтического фольклора народов Татарстана, в первую очередь – татарского.

Выводы

В доступных в настоящее время документах начальной истории кабинета сохранились сведения о деятельности заведующего (директора) А. Эйхенвальда и научных сотрудниках в лице А. С. Ключарева и С. Ш. Тагирова. В указанный период было закуплено необходимое оборудование, организованы фольклорные экспедиции, подготовлены к печати нотные фольклорные сборники записей. А. С. Эйхенвальд продержался на своей должности чуть более полугода. Обнаруженные нами документы свидетельствуют, что он мог уволиться по собственному желанию или под давлением внешних обстоятельств. В своем заявлении об уходе с должности композитор назвал ряд факторов, препятствующих надлежащему исполнению его профессиональных обязанностей (отсутствие помещения, аппаратуры по механической записи звука, музыкальных инструментов, жилищные проблемы).

Литература

1. *Исанбет Ю. Н.* Симфонический концерт восточной музыки в Казани 1923 года // *Tatarica*. 2022. № 1 (18). С. 116–139.
2. *Исанбет Ю. Н.* Концерты восточной музыки в Париже // *Tatarica*. 2022. № 1 (19). С. 66–100.
3. Письмо З. Альмеева А. Эйхенвальду. 22 ноября 1935 г. // ГЦММК. Ф. 159, № 1732/1832.
4. Письмо Г. Альми А. Эйхенвальду. 11 мая 1936 г. // ГЦТФ.
5. *Козлова Н.* Опера «Степь» // *Красная Татария*. 1936. 10 сент. (под инициалами Н. К.).
6. Справка, подписанная М. Музафаровым и директором музыкального сектора радио В. И. Виноградовым // ГЦММК. Ф. 159, № 1093.
7. Справка от 15 апреля 1937 года // ГЦММК.
8. Программа радиопередач на март 1937 года.
9. Справка радиокабинета // ГЦММК. Ф. 159, № 926.
10. ГЦТФ. Тыңлагыз, тыңлагыз, Казан сөйли: Радиостанция RV-17. Казан. 1937. 11 б.
11. *Нигмедзянов М. Н.* Татарская народная песня в обработке композиторов. Татар. кн. изд-во, 1964. 139 с.
12. Протокол обсуждения оперы «Степь» // ГЦММК. Ф. 159, № 1089. Машинопись. 7 л.
13. Вступительное слово Ю. В. Виноградова перед показом оперы «Степь» 31 мая в Доме учителей // ГЦММК Ф. 159, № 955.
14. *Терновский В. Н.* Опера «Степь» в концертном исполнении // *Красная Татария*. 1937. 14 июня.

15. Договор Управления по делам Искусств при СНК АТССР с композитором-этнографом А. Эйхенвальдом от 8 сент. 1936 г. // ГЦТФ. №
16. Трудовой список А. А. Эйхенвальда.
17. Музыкально-фольклорный кабинет в Казани // Красная Татария. 1937. № 73. 30 марта.
18. *Эйхенвальд А.* Собрать музыкальное народное творчество // Красная Татария. 1937. 8 апр.
19. Музыкально-фольклорный и научно-исследовательский кабинет // Красная Татария. 1937. 4 апр.
20. Заявление А. Эйхенвальда об увольнении из Фольклорного центра от 8 октября 1937 г. (ГЦТФ).
21. Приказ начальника Управления по делам искусств при Совете Народных комиссаров ТАССР Г. К. Яушева № 105 об увольнении А. Эхенвальда. 11 октября 1937 г. // ГЦТФ.
22. *Гыйльми Л.* Халык дошманнарынның жинаятыларен ахрынча фаш итик // Кызыл Татарстан. 1937. 29 март.
23. *Шажиморатов З.* Сэнгать эшләрә идарәсендә борылыш күренми // Кызыл Татарстан. 1937. № 192. 21 авг. (Чын фамилиясе: Ш. Зэйни).
24. *Нигмедзянов М. Н.* Татарская народная музыка. Казань: Магариф, 2003. 255 с.
25. Объяснительная записка к годовому отчету Татарской государственной филармонии за 1937 год // *НА РТ, ф. 7346, оп. 1, ед. хр. 2, л. 45 об.*
26. Список разных лиц (кредиторов) Татгосфилармонии по состоянию на 1/1 38 г. // *НА РТ. Ф. 7346, оп. 1., ед. хр. 2, л. 45 об.*
27. Список подотчетных лиц Татгосфилармонии по состоянию на 1/1 38 г. // *НА РТ. Ф. 7346, оп. 1., ед. хр. 2, л. 45 об.*
28. Расписка А. Ключарева от 11 октября 1937 г. о получении от А. Эйхенвальда расписки редактора издательства о том, что им получено из фольклорного кабинета 26 записей татарских народных песен. // ГЦТФ.
29. Заявление А. С. Ключарева 27 августа // ГЦММК.Ф. 159, № 936.
30. Татарские народные песни: Т. 1. / под общ. ред. А. С. Ключарева, предисловие и комментарии В. Виноградова, А. Ключарева, М. Садри. Казань: Татгосиздат, 1941. 204 с.
31. Расходы по кабинету фольклора на 1937 г. // *НА РТ. Ф. 7346, оп. 1, ед. хр. 2, л. 59.*
32. Акт сдачи-приема имущества от 9 октября 1937 года // ГЦТФ.
33. Татар музыка фольклоры // Кызыл Татарстан. 1937. № 214. 16 сент.
34. 50 народных песен, записанных на фонографе // *Красная Татария. 1937. № 253. 3 нояб.*
35. Список 18 песен, забракованных для включения в сборник Управления по делам искусств
36. *Ключарев А.* Хор өчен татар халык жырлары: ике баян белән = Татарские народные песни для хора: в сопровождении двух баянов / А. Ключарев. Казан: Татгосиздат, 1952. 52 б.
37. Нотные записи Ключарева, сделанные до увольнения А. Эйхенвальда из кабинета // ГЦММК ф. 159.

АНТОН ЭЙХЕНВАЛЬД ҺӘМ КАЗАН МУЗЫКАЛЬ ФОЛЬКЛОР КАБИНЕТЫ

Йолдыз Нәкый кызы Исәнбәт,
Казан,
mileuscha@mail.ru

Мәкаләдә Казан Музыкаль фольклор кабинетын булдыру турындагы архив материаллары системага салына. Игътибар үзәгенә композитор А. Эйхенвальдның күрсәтелгән структурада директор (мөдир) буларак эшчәнлегә алынды. Композитор кабинетны тавышны механик яздыру буенча үрнәк лабораториягә әйләндергә, анда квалификацияле фәнни хезмәткәрләрне жәлеп итеп, музыкаль һәм әдәби материаллар яздырырга, яздырылганнын тикшерергә, тарихи мәгълүматларны ачыкларга, язмалар фондын булдырырга, аларны эшкәртеп, басмага әзерләү турында хыялланган. Архив материалларын анализлау нигезендә мәкаләдә А. Эйхенвальдның бу вазифада ярты ел эшләве, шуннан соң тышкы басым астында, шулай ук үз теләге белән аннан китергә мәжбүр булуы асызыклана.

Төп төшенчәләр: татар музыкасы, А. Эйхенвальд, А. Ключарев, Казан Музыкаль авыз ижаты кабинеты